

АЛАН КЛАРК

ПЛАН «БАРБАРОССА»

КРУШЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
1941—1945

Вторая мировая война (Центрполиграф)

Алан Кларк

**План «Барбаросса». Крушение
Третьего рейха. 1941-1945**

«Центрполиграф»

2004

УДК 820
ББК 84(4Вел)

Кларк А.

План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941-1945 /
А. Кларк — «Центрполиграф», 2004 — (Вторая мировая война
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-9524-5565-8

Книга английского военного историка Алана Кларка – это непредвзятый взгляд на самую кровопролитную войну в истории человечества. Исследование хода Второй мировой войны, политической обстановки, военных ошибок позволило автору сделать вывод, расходящийся с оценками западных аналитиков: победа русских была неизбежна и без помощи союзников и их «второго фронта». На основе малоизвестных документальных материалов автор анализирует переломные моменты Второй мировой войны: битву под Москвой, Сталинградское и Курское сражения, Берлинскую операцию. Дает многостороннюю оценку роли Адольфа Гитлера, немецких и советских военачальников. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-5565-8

© Кларк А., 2004
© Центрполиграф, 2004

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алан Кларк План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941–1945

*Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание.
Гитлер*

ALAN CLARK
BARBAROSSA
THE RUSSIAN-GERMAN CONFLICT
1941—1945

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Эта книга посвящена самой великой и самой продолжительной войне на суше, которую когда-либо переживало человечество. Ее исход изменил баланс мировых сил и завершил крушение старой Европы, начатое Первой мировой войной. Победителем в этой войне стала единственная держава, способная бросить вызов Соединенным Штатам, а может быть, и нанести им поражение в тех самых областях технологии и материальной мощи, в которых Новый Свет так привык главенствовать.

Эта тема не пользовалась особым вниманием историков. Советские верха публиковали свои официальные истории, которые были щедро оснащены второстепенными деталями, но хранили молчание по поводу некоторых особенностей этого кризиса. В них нет таких официальных материалов, которые предоставлялись исследователям правительствами Великобритании и США. Масштаб других существующих работ часто очень невелик, или же они являются мемуарами отдельных лиц и характеризуются ограниченностью точек зрения и отсутствием объективности.

В этой книге есть свои герои. Это простой русский солдат, неумело руководимый, недостаточно подготовленный, плохо оснащенный, но он своей храбростью и стойкостью на первом году войны изменил ход всей истории. Есть отдельные лица, которые заслуживают уважительного упоминания. Генерал Гудериан, которого я критикую за импульсивность и неповиновение в первых сражениях, в последние годы войны выступает как единственный человек, который мог бы спасти Восточный фронт и который почти в одиночку посвятил себя этому. Был вызывающий сочувствия генерал Власов, один из способнейших командиров Красной армии, преданный своими начальниками. Он пытался плыть против течения, претворяя в жизнь планы «русские против Сталина». И генерал Чуйков, направлявший энергию сталинградского гарнизона, сидя в бункере на реке Царице. Спустя три года ему было суждено лично принять капитуляцию Берлина.

Наконец, я попытался дать некоторую переоценку военных способностей Гитлера. Его умение овладевать деталями, его чувство истории, его поразительная память, его стратегическое видение – все это имело свои изъяны, но, рассматриваемые в холодном свете объективной военной истории, они были тем не менее блестящи. Восточная кампания прежде всего была его делом, и его неистовая и магнетическая личность определяла ее ход, даже и в поражении. После войны Гитлера сделали козлом отпущения всех ошибок и просчетов германской военной политики. Но анализ событий на Востоке показывает, что случаев, когда Гитлер был прав, а Генеральный штаб – нет, было гораздо больше, чем этого бы хотелось апологетам германской армии.

Очарование личностей одновременно и манит, и губит военного историка, который обязан ограничиваться изучением полей сражений, описанием вооружения, штабной работы и развертывания войск. Но в оценке войны на Востоке, которая в действительности была войной между двумя абсолютными монархиями, нельзя не считаться с тем, что взаимодействие личных мотивов соперников часто имело решающее значение. Человеческие слабости – жадность и честолюбие, страх и жестокость, – как можно убедиться, прямо воздействовали на проведение операций.

Вместе с тем мне пришлось опускать описание многих сражений, имеющих лишь второстепенное значение для стратегической оценки войны. Я попытался выделить четыре критических момента: Москва зимой 1941 года, Сталинград, Курское наступление 1943 года и последние бои на Одере в начале 1945 года и сосредоточить повествование на них. Это значит, что некоторые секторы военных действий, такие, как Крым, последние стадии блокады Ленинграда и Кавказская кампания 1942 года детально не описываются. Да и само повествование

развертывается не в том темпе, как совершались события. Так, почти треть книги посвящена лету и осени 1941 года, когда критическим был каждый день, и менее двух глав – утомительному германскому отступлению через европейскую часть России в 1944 году.

Можно ли сделать какие-либо общие выводы из этого исследования? Я думаю, что ответ положительный. Но эти выводы неутешительны для Запада. Представляется, что русские действительно могли выиграть эту войну самостоятельно или по меньшей мере остановить немцев без всякой помощи со стороны Запада. То облегчение, которое давало русским наше участие – отвлечение нескольких германских частей и оказание материальной помощи, – было второстепенным, но не решающим. То есть оно влияло на длительность, но не на исход борьбы. Верно, что после высадки союзников в Нормандии отвлечение германских резервов приняло критические масштабы. Но угроза и в гораздо меньшей степени сама реальность «второго фронта» стала фактором уже после того, как на Востоке миновал настоящий кризис.

Часто задают вопрос: могли ли немцы победить в войне, если бы они не совершали ошибок?

Я бы ответил так: ведь и русские тоже совершали ошибки. Не было ничего абсурднее представлять безупречную германскую кампанию против сопротивления русских, повсеместно совершавших ошибки и просчеты, или представлять, что обе стороны вели безошибочные военные действия.

Хотя я заявил, что в целом на этот период историки мало обращали внимания, все же имеется ряд важных работ, исследовавших некоторые его аспекты, и к ним я часто обращался и за фактами, и за вдохновением.

Я всегда думал о классической работе сэра Джона Уилер-Беннета о германской армии. Глубокое исследование Александра Даллина «Германское господство в России» также является отправной точкой для любой серьезной работы по этой теме. Ни один человек, серьезно интересующийся подробностями войск СС, не может обойтись без авторитетного труда Джеральда Рейтлингера. Так же, как ни одна книга о последних днях в Берлине не может не признать ценности исследования этого драматического периода, сделанного профессором Тревор-Рупером.

Я должен отдать должное полковнику швейцарской армии Лейдеррею – он первым начал изучать сложности, сопровождавшие боевые документы с Восточного фронта, – и выразить благодарность капитану Б. Лиддел-Гарту за помощь в предоставлении материалов из собственного архива. Полковник Дим из германской армии и полковник Винников, советский военный атташе в Лондоне, также оказали мне большую помощь, предоставляя необходимые документы и материалы. А Вирджиния Кайроу из издательства «Уильям Морроу и К^о» самоотверженно и неустанно работала над редактированием этой книги. Историческое отделение Пенсильванского университета любезно предоставило мне микрофильмы записей совещаний, происходивших у Гитлера. Также я бы хотел выразить благодарность за содействие и коллективу Имперского военного музея в Лондоне.

Алан Кларк

Брэттон-Клавли

Часть первая «Восточные маршалы»

Большинство из них думает только о своей карьере.
Хассель

Глава 1 Состояние вермахта

В воскресенье 5 ноября 1939 года к вечеру в Берлине пошел дождь. По пустынным улицам проехал одинокий черный «мерседес» без эскорта. Главнокомандующий германской армией прибыл из Цоссена в рейхсканцелярию, где по собственной просьбе должен был получить аудиенцию у Гитлера.

Генерал (тогда он был в этом звании) Вальтер фон Браухич испытывал болезненное нервное состояние – странную болезнь для командующего, армии которого недавно завершили быструю победоносную и почти бескровную кампанию. Источником его тревог был объемистый меморандум, лежавший у него в портфеле, который, как он обещал своим коллегам в Генеральном штабе, лично прочтет фюреру вслух. На этом документе стояла его личная подпись, но готовило его много людей. В нем обсуждались многие вопросы из военной сферы, и казалось, мотивом его было «рекомендовать» воздержаться от наступления на Западе этой осенью. На самом деле это была попытка в исторической ретроспективе сформулировать ультиматум, суть которого, как в политической, так и военной сфере, сводилась к утверждению верховенства армии над всеми другими правительственными органами в рейхе.

Для Браухича это было особенно щекотливой задачей. Его коллеги давно и не раз просили его заняться этим делом, но ему всегда удавалось обойти этот вопрос. Браухич был обязан своим назначением Гитлеру и встречался с фюрером чаще других военных, не входивших в непосредственное нацистское окружение фюрера. Скорее всего, у него не было особых иллюзий относительно успеха любого требования, да он мог и предвидеть, в какое неистовство придет фюрер.

Этот ультиматум объединил тех профессиональных военных в армии, которые были настроены против нацистского режима и против вмешательства фюрера в планирование и проведение военных операций. Гитлер настаивал на том, чтобы в первые три дня Польской кампании в сентябре ему показывали каждый приказ, вплоть до полкового уровня. Многие приказы он критиковал, некоторые изменял, один – касавшийся операции по овладению плацдармом в Диршау – он полностью переделал, против чего высказались все офицеры вплоть до генерал-полковника Гальдера¹, начальника Генерального штаба сухопутных войск, и, следовательно, человека номер 2 после Браухича.

Генералы, которые уже получили отпор своему традиционному требованию иметь право голоса в государственных делах, касающихся военной политики, теперь почувствовали прямую угрозу своей наиболее ревниво охраняемой сфере – деталям тактического боевого планирования. Их недовольство отнюдь не смягчалось тем фактом, что коррективы Гитлера в каждом случае оправдывались в боях. Поэтому Браухич находился (и не в последний раз) в скользком положении между единодушными протестами своих коллег и страшным гневом своего фюрера.

¹ Генерал-полковник Франц Гальдер назначен начальником Генерального штаба в 1938 году, снят в сентябре 1942 года.

Гитлер, который вполне мог подозревать, что что-то затевается, принял главнокомандующего в основном конференц-зале рейхсканцелярии, под бюстом Бисмарка, а не в одном из маленьких залов, как это обычно бывало. После некоторых туманных околичностей, в атмосфере, крайне далекой от комфортной, Браухич заявил, что «ОКХ² будет благодарно за понимание, что оно, и только оно, будет отвечать за ведение любой дальнейшей кампании».

Это заявление было принято «в ледяном молчании». Браухич под влиянием одного из тех странных и лживых импульсов, иногда подталкивавших его (примеры которых будут приведены в книге далее), продолжал говорить, что «...наступательный дух германской пехоты сейчас прискорбно ниже уровня, который наблюдался во время Первой мировой войны» и что имели место «некоторые симптомы неповиновения, аналогичные происшедшим в 1917–18 годах».

К этому времени разговор утратил всякое подобие беседы между равными, что было традиционным атрибутом встреч между главой государства и главнокомандующим армией. Браухич так и не успел подобраться к своей главной теме. Когда замолкли его брюзгливые сетования, Гитлер начал наливаясь страшной яростью. Он обвинил Генеральный штаб и лично Браухича в предательстве, саботаже, трусости и пораженчестве. В течение десяти–двадцати минут фюрер лил поток оскорблений на голову его оробевшего и ошеломленного главнокомандующего, устроив такую сцену, которую Гальдер с поистине британской сверхсдержанностью охарактеризовал как «крайне отталкивающую и безобразную».

Это было первым случаем, когда Гитлер стал оскорблять своих генералов. В последующие годы оскорбления стали происходить все чаще, длиться дольше и становиться все более «безобразными». Это было также первым и последним случаем, когда Браухич возражал фюреру. Главнокомандующий вернулся едва живым в свой штаб, куда «...он прибыл в таком тяжелом состоянии, что вначале не смог внятно рассказать о происшедшем».

Основной ошибкой Браухича – или скорее консервативных армейских генералов, посланцем которых он был, – явилась недооценка всех нюансов исторической ретроспективы. Она возникла из-за их слепоты по отношению к развитию событий, и в особенности к образованию властной структуры внутри рейха. Ибо эта структура уже перестала быть дуумвиратом, состоявшим из гражданского правительства и власти военных, но превратилась в неуклюжую пирамиду, на вершине которой стоял Гитлер. Подчиняясь Гитлеру и смертельно соперничая друг с другом, существовали четыре главные империи внутри правительства рейха и множество второстепенных, образованных вокруг определенных личностей. Чем дольше шла война, тем активнее они размножались.

Один из самых рациональных и умных людей правящего слоя, Альберт Шпеер³, сказал: «Отношения между разными высокопоставленными фигурами могут быть поняты, только если рассматривать их стремления как борьбу за наследование Адольфу Гитлеру». Если перспектива преемничества была еще отдаленной, то нацистские диадохи⁴ уже соперничали друг с другом в попытках снискать благорасположение Гитлера и расширить собственный участок власти. Результатом было то, что в дополнение к армии появилось много других властных центров, ни один из которых не был так уж необходимым, но каждым из которых манипулировал фюрер, обеспечивая внутренний баланс сил в рейхе.

Первой такой империей стала нацистская партийная машина, управляемая Мартином Борманом⁵ и имеющая через него и Гесса право ежедневного доступа к фюреру. У партии име-

² Oberkommando des Heeres – Верховное командование сухопутных сил, далее везде ОКХ.

³ Шпеер Альберт – личный архитектор Гитлера. Стал министром вооружения и военного производства в 1942 году.

⁴ Диадохи – полководцы войск Александра Македонского, которые после его смерти враждовали из-за передела империи. Некоторые современные авторы (например, Тревор-Рупер и Александр Даллин) используют это слово для обозначения высших нацистских вождей.

⁵ Борман Мартин – глава руководства нацистской партии после побега Гесса на самолете в Британию в мае 1941 года;

лись собственные органы печати, она контролировала народное образование, региональные правительства и ряд полувоенных организаций, таких, как гитлерюгенд. Существовала иерархия СС, руководимая Гиммлером⁶ и включавшая гестапо, РСХА (Главное имперское управление безопасности), подразделения политических убийств СД и зловещих «асфальтовых солдат» (боевые части). Третья империя была личным детищем Геринга, включавшим в себя всю военную авиацию, все авиационные и прочие заводы и организацию управления четырехлетнего плана.

Офицеры и должностные лица в командовании германскими сухопутными силами не имели особого веса или авторитета. Если бы наступил критический момент, в распоряжении Гитлера оказались бы прекрасно вооруженная полиция, военно-воздушные силы, сухопутные войска и вся региональная административная машина. По мере возрастания военной нагрузки усиливалось и раздробление политического организма Германии. Образовался чуть ли не десяток первичных центров власти, служебное соперничество которых усугублялось личной враждой (Геббельс⁷ ненавидел Бормана, Геринг⁸ презирал Риббентропа⁹ и не доверял Гиммлеру, Розенберг¹⁰ вообще не разговаривал с Гиммлером и Кохом¹¹ и так далее) и которые сотрудничали между собой только в силу своей зависимости от фюрера.

Но несмотря на все вышесказанное, факт остается фактом – германское поражение на Востоке было прежде всего военным поражением. Армия оказалась не способной справиться с задачей, поставленной перед ней государством, а государство, живущее за счет меча, не могло выжить, когда меч был сломан. Главной причиной этой неспособности были постоянные трения между старшими офицерами и штабом Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) и Верховным командованием вооруженных сил (ОКВ), возглавляемым Гитлером. Пока военные операции были повсюду успешны, эти трения не проявлялись. Но как только вермахту стало трудно, отношения между ними начали ухудшаться. Гитлер презирал генералов за их осторожность, не выносил их чувства кастовости и считал (не без оснований), что они являются единственным оставшимся потенциальным источником политической оппозиции в Германии. Со своей стороны генералы не доверяли нацистской партии из-за пролетарских корней ее вожаков и очевидной безответственности в государственных вопросах. Правда, если говорить об отдельных личностях, среди них было несколько человек, увлекшихся гитлеровскими «идеалами» в лучшую пору нацистских успехов, но под прессом неудач партии и военным было суждено претерпеть страшную поляризацию.

Итак, анализируя причины этой неспособности и трений, которые только усугубили положение, следует сначала отвлечься от чисто военных дел, от описания батальонов и вооружений, блестящих тактических ходов, храбрости в боях и стратегических ошибок, но искать ключи в истории армии в период между войнами.

личный секретарь Гитлера с апреля 1943 года. Исчез в апреле 1945 года после самоубийства Гитлера.

⁶ Гиммлер Генрих – рейхсфюрер СС с 1929 года; полицай-президент в Баварии в 1933 году; глава политической полиции рейха в 1936 году; министр внутренних дел в 1943 году; главнокомандующий внутренними войсками с июля 1944 года; главнокомандующий армией Рейна и Вислы с 1944-го по март 1945 года. Совершил самоубийство в британском центре допросов в Люнебурге.

⁷ Геббельс Пауль Йозеф – министр пропаганды, гауляйтер Берлина, полномочно отвечавший за «тотальную войну». Совершил самоубийство в Берлине 1 мая 1945 года.

⁸ Геринг Герман – премьер-министр Пруссии с 1930 года; главнокомандующий ВВС; председатель Совета обороны рейха; имел звание рейхсмаршала – высшего офицерского звания в вооруженных силах. Совершил самоубийство в Нюрнберге 15.10.1946.

⁹ Риббентроп Иоахим фон – посол в Лондоне в 1936–1938 годах. Министр иностранных дел в 1938–1945 годах. Повешен в Нюрнберге в октябре 1946 года.

¹⁰ Розенберг Альфред – глава отдела иностранной политики в партии. Министр восточных территорий с апреля 1941 года. Повешен в Нюрнберге в октябре 1946 года.

¹¹ Кох Эрнст – гауляйтер Восточной Пруссии в 1930–1945 годах. Рейхскомиссар Украины в 1941–1945 годах. Выдан Польше в 1950 году и исчез.

Что-то произошло в германской армии. Непонятная болезнь проникла в этот мощный организм, зародившись из-за начавшейся эрозии ее способности принимать решения. В 1920-х годах армия под командованием блестящего и дальновидного Секта¹² обладала неоспоримым верховенством в качестве арбитра между государством и политикой. Но в 1930-х годах начали проявляться посторонние факторы. Частью они были технологического порядка, так как появление новых видов оружия и новых служб снижало значение организованности солдата. Но частью они имели политический характер – в виде Адольфа Гитлера, нацистской партии и ее собственных банд хорошо вооруженных головорезов из войск СА.

В этот период у Гитлера была значительная народная поддержка, но не большинство. Став канцлером, он твердо решил стать преемником Гинденбурга¹³ на посту президента, а для достижения этого требовалась поддержка армии. Сама армия была заинтересована в восстановлении власти в области внутренней политики и считала, что нашла в Гитлере подходящего протеже – при условии, что он выполнит определенные договоренности. Что последовало далее? Негласный сговор, в котором каждая из сторон считала, что выиграла. Ошибочно полагая, что если поддержка армии «сделала» Гитлера, то отказ в поддержке в любой момент уничтожит его, военный министр Бломберг согласился поддержать намерение Гитлера стать преемником болеющего Гинденбурга на президентском посту. Взамен Бломберг добился от Гитлера обещания обуздать СА и «обеспечить гегемонию рейхсвера по всем вопросам, касающимся военных дел».

Оба заключили этот договор, находясь наедине в кают-компании на борту крейсера «Дойчланд», шедшего из Киля в Кенигсберг в начале весенних маневров 1934 года. Когда маневры завершились и весна перешла в лето, Гитлер не пошевелил и пальцем, чтобы выполнить свою долю обещаний. Вот тут-то многие в армии почувствовали, что нахальный канцлеришка (он занимал эту должность менее года) «ненадежен». В июне возник политический кризис, имевший гораздо больше влияния на будущее, чем на настоящее. И военным показалось (или они только сделали вид), что «единство рейха в опасности».

Опыт Гитлера в связи с кризисом никак не мог умерить его тайного решения подчинить армию как можно скорее и как можно прочнее. Как глава исполнительной власти, Гитлер был вызван Бломбергом, который встретил его на ступенях замка в Нойдеке. Военный министр был в полной форме и сразу же (стоя ступенькой выше канцлера) произнес холодную официальную речь: «...Если правительство рейха не может своими силами добиться ослабления теперешнего напряжения, президент введет военное положение и передаст управление в руки армии». Гитлеру была дана четырехминутная аудиенция у Гинденбурга, который без всякого выражения кратко повторил суть заявления Бломберга, причем Бломберг оставался стоять рядом. Затем Гитлера отпустили.

Это был последний случай, когда армия использовала реальную власть в политике Третьего рейха. Уже через десять дней нацисты продемонстрировали, что они не уступают военным в жестком применении правил, и более того, что они изменяют эти правила, как им удобно. Предупредив высшее командование армии, что против «определенных разрушительных элементов» будет предпринято «административное воздействие», и устроив дело так, что рейхсвер был приведен в состояние боевой готовности и находился на казарменном положении, Гитлер нанес удар, придав термину «разрушительный» свое собственное крайне широкое толкование. Осуществление убийств Гитлер поручил своей личной охране, чернорубашечникам СС. В 1934 году их было всего несколько тысяч, но растерянность и пассивность армии более

¹² Сект Ганс фон – генерал-полковник, главнокомандующий германской армией в 1919–1930 годах.

¹³ Гинденбург Пауль фон (1847–1934) – фельдмаршал, начальник Генерального штаба в 1916–1919 годах; президент Германии в 1925–1934 годах.

чем компенсировали их малочисленность. А штурмовые отряды СА никак не ждали опасности от своих товарищей по оружию.

К тому времени, когда армия пришла в себя, «порядок» был восстановлен, и залитые кровью полы в тюремных подвалах начисто вымыты. СА не стало, но исчезли и почти все заметные фигуры, будь то правые, либералы или даже такие люди, как Шлейхер¹⁴ и Бредов¹⁵ из Генерального штаба, противодействовавшие становлению нацистской партии. С этого дня стало ясно, что, кто бы ни выступал против Гитлера, рисковал не просто своей карьерой, но и жизнью, и что появился также инструмент исполнения наказаний – части СС, и что возложение на них «полицейских» полномочий сделало их подлинными арбитрами внутренней безопасности.

В те несколько недель, пока становились очевидными масштаб чистки и угроза собственному положению, армия колебалась, не зная, что предпринять. Ее недовольство, временно поутихшее в связи со смертью старого маршала Гинденбурга, вылилось в открытое выступление на следующий год, но тут Гитлер раскрыл свой сундук с игрушками.

Провозглашение всеобщего перевооружения и военного призыва задало каждому профессиональному военному столько работы и открыло такие заманчивые перспективы, что заглушило любые желания (если они и были) заниматься политикой. В любом случае, какую цель могли бы иметь эти поползновения? Армия, по-видимому, добилась всех своих целей. Ее «гегемония в военных делах» уже была закреплена пролитой кровью, и все препоны на пути ее развития были сметены. 17 марта 1935 года Бломберг заявил во всеуслышание в День памяти героев: «Именно армия, далекая от политических конфликтов, заложила фундамент, на котором мог строить ниспосланный Богом архитектор. И этот человек пришел, человек, который своей силой воли и духовной мощью положил конец нашим разногласиям и исправил все, что не смогло сделать целое поколение».

Но если Бломберг и забыл про унижительные нотации в Нойдеке, Гитлер их помнил. Он, теперь уже фюрер, не забыл и высокомерных выходов тогдашнего главнокомандующего Фрича, и его недружелюбного отношения к СС, и его вызывающей манеры давать убежище в рядах армии политически неблагонадежным. Оба этих человека были запланированы на уничтожение, и, пока в штабе гестапо накапливался на них материал и плелась гитлеровская паутина, Гитлер обратился к разным психологическим – собственно, даже тотемическим – уловкам, чтобы теснее привязать к себе армию. Именно в истории этого второго периода порабощения армии Гитлером были посеяны семена тех неподобающих, а то и прямо катастрофических раздоров, ставших бичом при проведении Восточной кампании.

Одной из уступок, которых добился от Бломберга Гитлер при заключении негласного соглашения, было введение нацистской эмблемы в обмундирование всех солдат. С этого времени традиционный германский орел стал держать в когтях свастику, а вскоре этот значок начал появляться все в больших масштабах – на полковых знаменах, флагах, над входами в казармы, намалеванным по трафарету на башнях танков. Какова бы ни была политическая отчужденность старших офицеров, этой мерой стремились добиться того, чтобы простой солдат связывал себя с нацистской символикой и нацистской партией. Это отождествление усиливалось и формулировкой чуть ли не вассальной клятвы, принесенной каждым военнослужащим в августе 1934 года, которая заменила старую форму присяги конституции, существовавшей в дни республики:

¹⁴ Шлейхер Курт фон – генерал-полковник, министр обороны в 20-х годах и канцлер в 1932 году. Советовал Гинденбургу не иметь дел с Гитлером.

¹⁵ Бредов Курт фон – генерал-майор, преемник Шлейхера в министерстве обороны в 1932 году, человек аналогичных политических взглядов.

«Я клянусь перед Богом, что буду полностью подчиняться Адольфу Гитлеру, вождю рейха и германского народа, верховному командующему вермахта, и я ручаюсь своим словом храброго солдата всегда соблюдать эту клятву даже ценой своей жизни».

В 1937 году фортуна предоставила Гитлеру случай избавиться от Бломберга в тот самый момент, когда завершилась «разработка» Фрича. Одним блестяще подготовленным ударом Гитлер заставил повиноваться всю армию, ошеломленную и растерянную.

Военный министр позволил себе роскошь жениться вторым браком на проститутке. Эта оплошность была абсолютно не допустима этическим стандартом офицерского корпуса. Таким образом, Гитлер оказался в положении безукоризненного моралиста. В эту атмосферу сексуального скандала гестапо поспешно вбросило свое досье на главнокомандующего, обвинив его еще и в том, что тот предавался противоестественному пороку с известным баварским заключенным.

Бедный Фрич! Он не знал, как опровергнуть подобные обвинения, будучи абсолютно невиновным. Он мог лишь воспользоваться обычным для своей касты выходом – вызвал Гитлера на дуэль. Но в джунглях нацистской политики этот жест вызвал такую же реакцию, как и при распускании хвоста павлином перед питоном. Гитлер безжалостно использовал свое преимущество. Были уволены шестнадцать старших генералов (среди них Рундштедт¹⁶, который неосмотрительно выдвинул Фрича как преемника Бломберга во время краткого интервала между отставкой первого и обвинением второго), а еще сорок четыре офицера были перемещены на другие менее значимые посты.

Но как ни унижительны были эти события, это было еще ничто по сравнению с последовавшими официальными нововведениями. По декрету от 4 февраля 1938 года три министерства, ведавшие делами вооруженных сил, были объединены и подчинены единому командующему, самому Гитлеру:

«С этого дня я лично осуществляю непосредственное командование всеми видами вооруженных сил. Прежний штаб вермахта в военном министерстве становится Верховным командованием вооруженных сил (ОКВ) и подчиняется непосредственно мне. Во главе штаба Верховного командования находится прежний начальник штаба вермахта [Кейтель]. Он имеет ранг, равный рейхсминистру. Верховное командование вооруженных сил также принимает на себя функции военного министерства, и начальник Верховного командования, в качестве моего заместителя, осуществляет властные полномочия прежнего военного министра рейха».

Организация ОКВ и последующее подчинение армии небольшому исполнительному органу, который, как видно, все сильнее подпадал под контроль фюрера и испытывал его личное влияние, были политическим приемом, и как часто бывает с мерами, целесообразными с точки зрения внутренней политики, шли вразрез со строгими требованиями боеспособности.

Это было окончательным штрихом в борьбе между гражданской властью (если так можно описать нацистскую партию) и армией. Это значило, что Генеральный штаб, уже утративший право определения «наилучших интересов рейха» и вмешательства в его внутреннюю политику, теперь оказался лишенным и своей исторической и фундаментальной прерогативы – права решать, когда и как вести войну. ОКХ по статусу было низведено до положения департамента, занятого армейскими делами и подчиненного штабу, состоящему из людей, выдвинутых и непосредственно подотчетных фюреру. Результатом стало то, что ортодоксальная процедура выработки стратегической доктрины больше не действовала. Вместо консультаций специалистов стали проводиться совещания у фюрера, которые были почти ничем не лучше аудиенций, когда Гитлер, более или менее спокойно выслушав «доклады», обрушивал на собравшихся

¹⁶ Рундштедт Карл Рудольф Герд фон – «фельдмаршал, который не проиграл ни одного сражения (кроме Нормандии в 1944 году)». Командовал группой армий «Юг» в России в 1941 году.

свое уже готовое решение – директивы¹⁷ и документы. Таким образом, огромный фонд технической экспертизы, хранилищем которого был Генеральный штаб, использовался только на уровне тактического и оперативно-тактического планирования. Основные направления военной политики, координация операций на различных театрах, даже разработка новых видов вооружения и определение приоритетов в снабжении, – все эти вопросы решались, не считаясь с мнением Генерального штаба. Отсутствовала постоянная консультативная организация экспертов, готовивших оценки и альтернативы, то есть не было никакого эквивалента комитету начальников штабов или объединенным начальникам штабов, как это существовало на Западе.

И действительно, стоило только начаться войне, как о существовании политики в военном смысле стало нечего и говорить – довольно привести слова Геринга: «Если мы проиграем эту войну, то помоги нам Бог». Цели войны, все детали и выбор времени военных действий определялись Гитлером. Если и проходило какое-нибудь обсуждение, то в нем принимали участие члены его непосредственного окружения – партийные приятели Гиммлер, Борман, Гесс и Геринг, – люди, которые могли жить той же ночной жизнью и говорить на том же языке о расе и «судьбе». Больше всего из них Гитлер прислушивался к Герингу. Но даже Геринг добился не более чем отрицательного к себе отношения, выторговав преимущественное положение для люфтваффе. А на последних стадиях войны его влияние уменьшилось, и он все реже и реже стал встречаться с Гитлером.

Нет свидетельств о том, что Гитлер когда-либо менял свои решения по вопросам стратегии, выслушав доводы своих партийных друзей или высших офицеров армии. Он нес на своих плечах всю ответственность за каждое важное решение и сам формулировал развитие стратегических целей по совокупности.

Эта способность, которую некоторые кратко именовали «интуицией», была поистине удивительной и в течение целого ряда лет непогрешимой. Рука дьявола направляла Гитлера, так же как позднее она охраняла его жизнь. Но с началом войны по мере усиления напряжения и расширения ответственности отсутствие постоянного консультативного органа начало остро ощущаться.

Примером самого серьезного и одного из самых ранних пробелов в стратегическом планировании стало положение сразу после падения Франции. Не только не существовало плана вторжения на Британские острова, но и сама директива «Морской лев» – приказ на разработку такого плана – была дана спустя месяц.

И все недостатки практики Гитлера игнорировать нормальный порядок проявлялись не только в деталях, но и в большой стратегии. Например, после кампании во Франции Гитлер приказал заменить 37-мм пушку в танке III на 50-мм L60. Однако по каким-то причинам, которые так и останутся неизвестными (но обусловленными тем, что не было постоянного органа, который бы мог проследить доведение директивы вплоть до артиллерийско-технического управления), спецификация была изменена на 50-мм L42. В результате самый удачный танк этой войны получил пушку с гораздо меньшей дальностью и начальной скоростью, чем

¹⁷ Самое наглядное описание того, как возникали эти директивы, дано профессором Тревор-Рупером: «Ежедневно в полдень у Гитлера проходило совещание по текущему положению, на котором Йодль [начальник штаба] читал доклад, подготовленный для него Варлимоном [заместителем начальника штаба в ОКБ]. Гитлер слушал, обсуждал положение и затем после завершения дебатов отдавал приказы. Эти приказы вместе с полным протоколом обсуждения затем передавались Йодлем Варлимону для переработки их в официальные документы и потом вручались по назначению». Это верно, что главнокомандующий Браухич имел доступ к Гитлеру. Он, а иногда и отдельные командующие армиями вызывались в штаб-квартиру фюрера. Но, как указывает профессор Тревор-Рупер, «... их появления не были регулярными, и они не могли соперничать с постоянными придворными. Кроме того, Гитлер предпочитал иметь дело с ними через Кейтеля и Йодля. Он не любил новых лиц. Ему нравились Кейтель и Йодль, которые постепенно превратились в нечто вроде ординарцев... а Кейтелю и Йодлю нравилась та монополия власти, которую им обеспечили их старательность и раболепство. Вследствие этого Кейтель и Йодль, становясь все более необходимыми фюреру, были все более ненавистны генералам в ОКХ и в войсках».

приказал Гитлер. Но если бы все было сделано как надо, этот танк сохранил бы свое техническое превосходство по меньшей мере еще только на год.

После капитуляции Франции Гитлер одобрил предложение ОКХ демобилизовать ряд дивизий, что едва ли увязывается с его собственным планом совершить нападение в следующем году на армию, считавшуюся самой большой в мире. Единственным объяснением может быть то, что при отсутствии надлежащего контролирующего органа и процедуры этот приказ канул в небытие. Однако почти в тот же самый момент Гитлер давал директиву удвоить количество танковых дивизий в армии и поднять производство танков до уровня 800–1000 единиц в месяц. Здесь снова вмешалось артиллерийско-техническое управление, доложив, что расширение производства такого рода обойдется в два миллиарда марок и потребует дополнительно 100 тысяч квалифицированных рабочих и специалистов. Гитлер согласился на отсрочку «временно», но реорганизация танковых дивизий уже шла, так что конечным результатом стало уменьшение наполовину количества танков в каждой дивизии. Но это отчасти компенсировалось усилением их огневой мощи и постепенной заменой более тяжелого танка III на танк II. Однако танковые дивизии так никогда и не восстановили свою численность и подвижность, с которыми они начали битву за Францию. Гитлер также дал директиву на удвоение количества моторизованных дивизий, не предусмотрев условий для повышения производства транспортных единиц. В результате многие новые соединения пришлось оснащать захваченными или реквизированными грузовиками, которые оказывались ненадежными и сложными в эксплуатации в суровых погодных условиях.

Примеры такого рода можно продолжать, и это верно, что недостатки, касающиеся диапазона власти и действия начальников штабов так называемого Верховного командования, давали себя знать все сильнее в ходе войны. Но было бы несправедливо не сказать, что генералы ОКХ (как они сами подчеркивают в собственных работах по этой теме) могли, пусть и не полностью, предвидеть положение дел в большой стратегии.

У Гитлера было ограниченное, но очень ярко окрашенное восприятие истории, и он обращался к ней, черпая из нее оправдания для единоличного принятия на себя всей полноты ответственности. В Первой мировой войне (всегда доказывал он) германский Генеральный штаб в течение четырех лет беспрепятственно направлял стратегию страны и делал одну ошибку за другой: он настоял на проведении неограниченной подводной войны, ускорив тем самым вступление в войну США; он отбросил всякую надежду на сепаратный мир с царской Россией из-за того, что настаивал на учреждении королевства Польши; затем добился такого же результата в 1917 году, когда его политика в отношении Франции и Бельгии разбила все шансы на воплощение мирных предложений Папы Римского. И наконец, на нем лежит ответственность за самое катастрофическое действие в истории XX века – доставку Ленина и его товарищей из Швейцарии в Россию в пресловутом «запломбированном вагоне». Даже в чисто военной сфере германский Генеральный штаб совершал серьезные ошибки, неправильно проведя две единственные серьезные попытки разбить западные державы на поле боя. Фалькенхайн выпустил из-под контроля битву на измор под Верденом и тем самым потерял шансы вывести Францию из войны уже в 1916 году. Ослабление усилий Людендорфа в апреле 1918 года стоило так много крови и такого падения морального духа, что германские войска не смогли долго сопротивляться последующим контрнаступлениям союзников.

Когда Гитлер стал канцлером, он увидел, что ОКХ все так же щедро на советы и что его позиция характеризуется теми же двумя прискорбными особенностями, а именно: единодушием взглядов его участников и ошибочностью (как неизменно оказывалось) их оценок.

Первый экспансионистский ход, предпринятый рейхом – повторное занятие Рейнской области, – вызвал поток протестов со стороны Генерального штаба. Вначале Бек¹⁸ предло-

¹⁸ Бек Людвиг – генерал-полковник, начальник Генерального штаба в 1935–1938 годах. Позднее выдвинут в качестве

жил, чтобы вхождение германских войск сопровождалось заявлением, что этот район не будет укрепляться. Гитлер немедленно отверг это. Затем Генеральный штаб убедил Бломберга выдвинуть предложение, что посланные за Рейн войска будут отведены назад при условии, если французы согласятся отвести от своей собственной границы впятеро больше войск. Его «грубо и резко одернули». Наконец, после замеченного летаргического сосредоточения 13 французских дивизий на линии Мажино, Бек и Фрич вдвоем убедили Бломберга настоять на отводе трех германских батальонов, введенных в демилитаризованную зону. Гитлер снова отказался и снова стал прав.

Генералы пришли в замешательство. Они не претендовали на понимание всех тонкостей международной политики. Но перед ними лежали материалы по численности войск. Разве здравый смысл и простейший расчет баланса численности военных сил ничего не значил? Нет. Значила только воля, а на нее у Гитлера была монополия. «Моя неизменная воля уничтожить Чехословакию силой оружия в ближайшем будущем», – заявил он им, и все лето 1938 года шли приготовления к этой кампании, невзирая на протестующие блявения со стороны почти каждого старшего офицера ОКХ.

Первоначальным намерением генералов-заговорщиков было вынудить главнокомандующего Браухича явиться к Гитлеру и произнести магические слова Гинденбурга и Секта: что он «больше не пользуется доверием армии». Фрич мог бы сделать это, но Браухич – никогда. Начальник штаба сухопутных сил генерал Бек в отчаянии подал в отставку. Никто из его коллег не последовал его примеру, но зато многие присоединились к заговору с целью похищения Гитлера и провозглашения военного правительства. Этот переворот планировался на тот момент, когда стало известно, что Гитлер уже назначил час «Ч» для нападения на Чехословакию. План переворота был расстроен (что изменило весь ход истории) франко-германским предательством в Мюнхене, но планировавшие переворот генералы – Вицлебен, Хельдорф, Шуленбург, Гёпнер – остались на своих местах.

В процессе снижения влияния генералитета в нем выделились два отдельных, но взаимно дополняющих элемента. В политическом отношении генералитет был обойден и шаг за шагом терял свои позиции, скатываясь под гору, все дальше и дальше от вершины власти, на которой он находился в предшествующие столетия. А стремительный и ошеломляющий ход событий на международной сцене дал возможность (как казалось) увидеть его как робкую клику, не способную оценить свои собственные силы и не решающуюся их использовать.

Много факторов способствовали закреплению этого состояния. Ни один из них не был значительным, если рассматривать его изолированно, но в сочетании они создали атмосферу растерянности и разочарования, сознательного своекорыстия или стремления уйти от реальности, погрузившись в узкие технические детали работы.

Трудно чувствовать симпатию к членам генералитета, ибо основной корень их недовольства заключался в отсутствии собственного морального стержня. В поведении Гитлера их возмущала не его аморальность, а его безответственность. Отсюда их склонность пятиться назад, тянуть время под любым предлогом и со стороны наблюдать, оправдался ли риск. Кроме того, успех Гитлера в урезании их индивидуальной власти был достигнут без восстановления против себя основной массы офицеров или затрагивания основ профессиональной эффективности, заложенных Сектом. Это значило, что те, кто хотел изменить ход событий, должны были окунуться в политику – в область, в которую они вступали уже больше не как арбитры, а как участники, отягощенные сомнениями, раздором и не отделавшиеся от застарелого презрения к штатским, из-за чего все попытки добиться согласия между этими отдельными элементами оппозиции были заранее обречены на провал.

Очутившись вне своей среды, в незнакомой стихии, генералы шли на ощупь. Некоторые активно интриговали против режима. Другие – почти все – с сочувствием прислушивались к тем, кто интриговал, жаждали приближения момента принятия решения и ждали перемен фортуны. Большинство же, включавшее в себя обе эти категории, топили свое разочарование в работе. Результатом было такое качество штабной работы и такой высокий тактический уровень, которых не добивались ни в какой другой армии мира.

Гитлер радикально исключил армию из политики, и цена, заплаченная им, вначале казалась даже меньше той жалкой уступки, которую он обещал Бломбергу на борту «Дойчланда». Но в одном важном отношении армия выстояла, не отдав своих прав. Она упорно и постоянно отказывалась от всех попыток нацистской партии вмешиваться в проведение и управление своими внутренними делами. Генералы крепко держались за свою привилегию (скорее формальную, чем реальную) быть «единственными носителями оружия в рейхе» и дважды успешно отразили попытки Гимmlера «просочиться» в армию (один раз в кампании, организованной СС, стремящейся лишить армейских капелланов их военного статуса, а второй раз – когда было предложено учредить, «по желанию», занятия по нацистской идеологии вместо отправления религиозных служб). Армия стала убежищем для недовольных режимом, чем-то вроде неоформленного братства – политически инертным, правда, но таким, где никогда не руководствовались предписаниями и «досье» СС.

Результат был в прямом смысле слова поразительным. Весь абвер (военная разведка) был пронизан диссидентством. Его глава, адмирал Канарис, и его заместители, Остер и Лахоузен, не только позволяли разным оппозиционерам свободно использовать организацию, но и сами совершили невероятное предательство – Остер предупредил военного атташе Дании за десять дней о запланированном вторжении в эту страну и в Норвегию в апреле 1940 года; то же самое он сделал в отношении Нидерландов перед нападением на эту страну.

Другой службой, возглавляемой генералом, последовательно враждебно относящимся к режиму, был отдел экономики и вооружения Верховного командования при Георге Томасе. Однако ни Томас, ни Канарис не позволяли того, чтобы их убеждения сказывались на работе руководимых ими учреждений, точно так же, как у их собратьев-офицеров собственные чувства не мешали воевать все с той же неумолимой эффективностью. «Конспираторы» (те, кто активно замыслил смену режима), пусть едва ли заслуживали на этом этапе такого названия, не испытывали никаких ограничений в подобной атмосфере. Пропуска, литеры для проезда, переводы по службе – все можно было мгновенно устроить. Они получают и своевременное предупреждение о грозящей им опасности.

Было ли это у генералов формой перестраховки? Или это было просто соблюдением кодекса офицера и порядочного человека, позволявшее им продолжать опасную практику допускать в своем присутствии бунтарские разговоры, покрывать бесконечные, иной раз просто безобразно неосторожные поступки своих подчиненных? Старшие командиры терпимо относились к подобной активности. Они слишком долго высказывали свои мнения друг другу и Гитлеру и видели, что какие-то извращенные повороты событий все время опровергают здравость их суждений. Подобно сверхконсервативным банкирам во время бума инфляции, они никак не могли заставить себя произнести надлежащие предупреждения, которые так часто приводят к разочарованиям в инвестиционной политике.

Приближалось время, когда ортодоксальность и здравый расчет должны были бы взять верх, как это было, когда суете заговорщиков предстояло превратиться в более опасное явление; но, ослепленные блеском успеха фюрера, генералы уже не смогли заглядывать так далеко вперед. Все они повторили бы слова Браухича, сказанные им после войны Отто Джону: «Я мог бы легко арестовать Гитлера. У меня было достаточно офицеров, чтобы осуществить арест. Но дело было не в этом. Почему я должен был предпринять такие меры? Это было бы действием

против германского народа. Я хорошо знал от своего сына и других, что весь германский народ – за Гитлера. У них было достаточно причин для этого...»¹⁹

Итак, таковы были эти немощи, поразившие германскую армию. Но в тот период победной эйфории, когда начали сплетаться первые нити плана «Барбаросса», они еще не проявлялись. Генералы купались в славе и получали щедрые награды от фюрера. Ордена, пенсии, наградные, разрешения на частное строительство, поместья в Восточной Пруссии градом сыпались на них. Хассель с отвращением писал: «Большинство заняты карьерой в самом низменном смысле. Маршальские жезлы и подарки гораздо важнее для них, чем поставленные сейчас на карту великие исторические решения и моральные ценности».

Зимой 1940 года, вероятно, армия пошла бы за Гитлером, куда бы он ее ни повел, несмотря на глубоко сидевший в ней страх перед непосредственной конфронтацией с Россией. Только один старший представитель Верховного командования, адмирал Редер, как было зафиксировано в то время, был против этой кампании, а «все офицеры ОКВ и ОКХ, с кем я разговаривал, – пишет Гудериан²⁰, – проявляли непоколебимый оптимизм и были совершенно глухи к критике или возражениям».

Подобная позиция была по большей части результатом воздействия личности Гитлера, стратегический аргумент которого казался неоспоримым:

«...Британия возлагает надежды на Россию и Соединенные Штаты. Если Россия выпадет из картины, Америка будет тоже потеряна для Британии, потому что устранение России сильно повысит мощь Японии на Дальнем Востоке. Решение: уничтожение России должно стать частью этой борьбы – чем скорее будет раздавлена Россия, тем лучше».

И действительно, осенью 1940 года это направление стратегии было подкреплено целым рядом политических шагов на Балканах. Разногласия между двумя державами стали накапливаться так быстро, что к ноябрю советскому министру иностранных дел Молотову пришлось посетить Берлин. Происшедшая встреча, которая явилась последним обменом мнениями между этими двумя автократиями, прошла очень не гладко. Поводом для этой встречи якобы стал «дележ Британской империи как огромного обанкротившегося имения», но на самом деле эта тема почти не затрагивалась (о ней говорил только Риббентроп).

Когда Молотову намекнули, что все скрытые разногласия будут сглажены, если Россия присоединится к Тройственному союзу, он ответил: «...Для Советского Союза не достаточно соглашений на бумаге; он должен настаивать на эффективной гарантии своей безопасности». Затем русский министр начал требовать ответа на ряд деликатных вопросов. Что делают германские войска в России? А в Финляндии? Что, если Советский Союз даст гарантию Болгарии на тех же условиях, что и Германия дала Румынии? Его непреклонность была усилена «личным» письмом от Сталина, в котором русский диктатор «настаивал» на немедленном выводе германских войск из Финляндии, на длительной аренде военной базы для советских сухопутных и морских сил на Босфоре и некоторых уступках на северном Сахалине со стороны Япо-

¹⁹ Этот разговор взят из Меморандума Джона, приведенного Уилер-Беннетом в «Немезиде власти». Обстановка иллюстрирует удивительную свободу, с которой мятеж обсуждался в высших кругах армии. Попитц (Иоханнес Попитц, 1884–1944, прусский государственный министр и министр финансов, близкий друг генерала фон Шлейхера, убитого СС в 1934 году, и один из самых старых участников «кружка Сопrotивления») посетил Браухича осенью 1939 года и «упрашивал его прибегнуть к действию ради чести армии и спасти Германию из когтей черных ландскнехтов СС». Браухич «практически молчал» в продолжение всего разговора, но в конце спросил, есть ли еще шанс обеспечить приемлемый для Германии мир. Позднее генерал Томас приехал к нему, чтобы передать некоторые детали «условий», на которых папа был готов действовать в роли посредника в переговорах с Британией. Реакция главнокомандующего была неожиданно спокойной. Хотя он с сокрушением признал, что «все это – чистая государственная измена», но ограничился тем, что сказал Томасу, что, «если тот будет настаивать на встречах с ним по этому вопросу, он посадит его под домашний арест».

²⁰ Гудериан Гейнц – генерал-полковник, ведущая фигура в танковых войсках германской армии. Командующий 2-й группой бронетанковых войск в 1941 году; генерал-инспектор бронетанковых войск в 1943 году; начальник Генерального штаба сухопутных войск в 1944 году.

нии. Сталин также предупредил о готовящемся договоре о взаимной помощи между Советским Союзом и Болгарией.

Весь тон ноябрьской встречи произвел глубокое впечатление на германскую армию, когда ее ознакомили со всеми подробностями. Многие, кто до сих пор считал, что дипломатическими средствами можно заставить Россию сколь угодно долго стоять в стороне, теперь резко изменили мнение и решили, что превентивной войны не избежать. Но неверно было бы утверждать, как это делают многие немецкие историки, что ноябрьская встреча ускорила, а то и даже привела к началу планирования кампании на Востоке. Она уже была назначена на весну 1941 года – самый ранний срок, когда станет физически возможно выдвинуть и развернуть всю армию. Письмо Сталина могло упрочить решимость Гитлера, и оно дало ему удобное оправдание. Но само решение было принято еще во время войны с Францией, когда он увидел, что сделали германские бронетанковые войска с французской армией.

Началом германского планирования войны с Советской Россией, как чаще всего принято считать, является 29 июля 1940 года. В этот день в обстановке строжайшей секретности в Бад-Райхенхале состоялось совещание, на котором Йодль²¹ обратился к нескольким, специально выбранным «по желанию» фюрера специалистами по планированию из штаба и управления экономикой рейха. За несколько недель до этого, пока еще шла битва за Францию, Гитлер сказал Йодлю: «Я начну действовать против этой угрозы Советского Союза в тот момент, как только наше военное положение сделает это возможным». Это решение обсуждалось в ряде закрытых встреч в Бергхофе между Гитлером, Кейтелем, Йодлем и Герингом в дни после заключения перемирия. Первая директива «Операция Ауфбау-Ост» была дана в августе, причем цели ее были закамуфлированы целым букетом кодовых названий и общих мест. С этого момента по всему океану нацистской администрации стали быстро расходиться круги планирования, так что, когда новый квартирмейстер ОКХ вступил в свою должность 8 сентября, он уже нашел в своих папках «все еще неполный план операции по нападению на Советский Союз». Следующая Директива (№ 18), которая вышла в ноябре, была более ясной. В ней Гитлер писал:

«Начаты политические обсуждения с целью выяснения позиции России на данный период [в этот момент Молотов находился в Берлине]. Независимо от результатов этих обсуждений все приготовления, связанные с Востоком, согласно устным приказам, будут продолжены. Указания по ним последуют, как только мне будет представлена и мной одобрена общая концепция оперативных планов».

Менее чем через месяц Гальдер представил план Верховному командованию сухопутных сил (ОКХ), и 18 декабря фюрер в своей знаменитой Директиве № 21 поставил стратегические цели, и это, еще не рожденное дитя, зачатое летом того же года, получило от него название операция «Барбаросса».

Но хотя начало планирования пришлось на лето 1940 года, сами намерения можно проследить до гораздо более ранних сроков, до знаменитого совещания у Гитлера в Бергхофе 22 августа 1939 года. Из всех речей и выступлений в истории нацистов именно это совещание «в интимном кругу» ярче всего иллюстрирует их дьявольский характер. В этот день Гитлер ликовавал: «Наверное, больше никогда не будет человека, обладающего такой властью или доверием всего германского народа, как я... Наши враги – это люди посредственные, не люди действия, не повелители. Они просто червяки». В любом случае, сказал он своим слушателям, западные державы не станут защищать Польшу, потому что этим утром Риббентроп улетел в Москву подписать пакт о ненападении с Советами. «Я выбил у них из рук это оружие. Теперь мы можем нанести удар в сердце Польши – я приказал направить на Восток мои части «Мертвая голова» СС с приказом убивать без жалости и пощады всех мужчин, женщин и детей-поляков или говорящих по-польски».

²¹ Йодль Альфред – генерал-полковник, начальник штаба в ОКХ в 1938–1945 годах.

В этот момент, как рассказывают, Геринг вскочил на стол и, высказав «кровожадную благодарность и кровавые обещания... начал плясать, как дикарь»²². «Единственно чего я боюсь, – сказал Гитлер своим гостям, – это то, что в последний момент какая-нибудь свинья предложит посредничество». На тему будущего: «Нельзя терять времени. Война должна быть, пока я жив. Мой пакт рассчитан только на выигрыш времени, и, господа, с Россией будет то же, что я сделаю с Польшей, – мы раздавим Советский Союз».

При этом последнем заявлении эйфория от победного тона Гитлера заметно увяла, и при окончании его обращения «несколько сомневающихся [среди присутствующих] промолчали». Ибо здесь, произнесенная совершенно между прочим, прозвучала единственная непростительная военная ересь, которую по общему согласию необходимо было всегда избегать, – «война на два фронта».

Мнения военных по вопросу войны с Россией разделились почти поровну. «Прусская школа», предпочитающая наличие восточного союзника, все еще уравнивала тех, идеологические убеждения которых определялись воображаемой стратегической необходимостью, потребностью в сырье и «жизненном пространстве». Но даже наибольшие энтузиасты не думали о нападении на Россию, пока существовал Западный фронт. Даже в «Майн кампф» это считалось бы главной ошибкой, единственным фатальным шагом, который уничтожил бы любое продвижение рейха к мировому господству. Генеральный штаб давно тревожила неизвестность в отношении веса и качества русских танков²³, сообщения о которых военной разведки вызывали такую тревогу, что обычно на них не обращали внимания, объявляя их «дезинформацией». Каждый высший офицер в германской армии в то или другое время предупреждал Гитлера об опасности нападения на Россию до тех пор, пока не будут развязаны руки на Западе, и оба – Браухич и Рундштедт – уверяли, что он давал им понять, что никогда не пойдет на это.

Но когда почти ровно год спустя эта идея начала обретать плоть и кровь в своем оперативном планировании, Гитлер мог с достаточным основанием утверждать, что Западный фронт больше не существует. Франция пала и заключила мир, а британцы были заперты на своей территории, где они бессильно зализывали свои раны. Битву за Британию, эту удивительную победу, стоившую так мало крови и столь необозримую по своим последствиям, тогда едва ли можно было вообразить – так же, как и предвидеть поражения итальянцев в Африке со всеми вытекающими из этого стратегическими осложнениями. В еще не померкшем блеске одержанной во Франции победы, при абсолютном господстве над всем Европейском континентом утверждение Гитлера, что вторжение в Россию будет не вторым, а первым, и последним, фронтом, имело под собой почву.

Как часто бывает в глобальных государственных делах, запущенный в ход процесс планирования неумолимо продолжался, в то время как окружающие обстоятельства уже изменялись по характеру и масштабам. До сих пор господствовавшее в воздухе люфтваффе встретило

²² Это филярство было усугублено костюмом Геринга. На нем была белая рубашка с отложным воротником под зеленым камзолом, украшенным крупными пуговицами, обтянутыми желтой кожей. Кроме того, на нем были серые шорты, выставляющие напоказ его увесистые ляжки. Это великолепие оттенялось парой здоровенных шнурованных ботинок. В довершение всего его пузо было стянуто красной португеей, богато инкрустированной золотом, на которой болтался узорный кинжал в здоровенных ножнах из того же материала. «До сих пор я думал, что мы тут собрались с серьезными целями, – ядовито комментировал эту картину Манштейн [в тот момент полковник в отделе планирования], – но Геринг, видно, принял это за бал-маскарад».

²³ Гудериан в связи с этим приводит один эпизод: «Весной 1940 года Гитлер приказал, чтобы русской военной миссии показали наши танковые училища и заводы; в этом приказе он настаивал, чтобы от них ничего не скрывали. Русские офицеры наотрез отказались поверить, что TIV является нашим самым тяжелым танком. Они не раз повторяли, что мы, по-видимому, прячем от них самые последние модели, и жаловались, что мы не выполняем приказа Гитлера показать им все. Они так много говорили об этом, что мало-помалу наши конструкторы и специалисты из артиллерийско-технического управления пришли к выводу: «Наверное, у русских уже есть более тяжелые и лучшие танки, чем у нас». В конце июля 1941 года на фронте появился танк Т-34, и загадка новой русской модели разрешилась».

достойного противника. Некоторые секторы воздушного пространства Европы оказались для него закрытыми. Выяснилось, что управление операциями и технические средства для этого были не на высоте. Военно-морской флот был серьезно ослаблен из-за потерь, понесенных в Норвежской кампании. Программа постройки подводного флота отставала и была плохо спланирована – летом 1940 года имелось только 14 субмарин с запасом плавания до Килларни-Блаф на западе.

Все это затрудняло нанесение удара по Британии и делало невозможным ее покорение без долгого периода пересмотра приоритетов и тщательной подготовки. Но времени не было, или так казалось Гитлеру: «...В любой момент меня может уничтожить какой-нибудь преступник или безумец». Армия готова и непобедима. Из всех трех родов войск только она готова удовлетворить любые требования, предъявляемые германским народом. Как нелепо предположить, что этому великолепному механизму позволят остановиться; что вооруженные силы будут преобразованы по морскому образцу, чтобы сразиться с морской державой в ее собственной стихии! Господство, установленное в политике Гитлером над своими генералами, теперь было абсолютным, и он не опасался, что их военные победы, как бы поразительны они ни были, смогут угрожать этому. В самом деле, по-видимому, фюрер чувствовал, что его личная власть над армией усилится в подобной кампании с ее мощными идеологическими обертонами и будет оправдана тем неотступным вниманием, которое он намеревался посвятить ее проведению.

В 1930 году Гитлер писал: «Армий для подготовки мира не существует. Они существуют для ведения победоносной войны». И весной 1941 года вермахт являлся победоносной армией, едва ли имевшей до этого ощутимые потери; идеально подготовленной и оснащенной, прекрасно сбалансированной и согласованной боевой машиной, находящейся на вершине военного совершенства. Куда ей предстояло направиться? Чисто гравитационное тяготение, казалось, должно было направить ее против своего единственного оставшегося противника на европейской суше; повлечь ее, подобно наполеоновским армиям, также бессильно остановившимся перед Ла-Маншем, на восток, к таинственным незавоеванным просторам России.

Глава 2

Матушка-Россия

Летом 1941 года Красная армия представляла загадку для западных разведывательных служб, в том числе и Германии. Ее оснащение, по всем данным, было впечатляющим (действительно, у нее было столько же самолетов и больше танков, чем во всем остальном мире), но насколько способны его применять советские командиры? Ее резервы живой силы казались неисчерпаемыми, но одна солдатская масса не имеет ценности при отсутствии надлежащего руководства, а коммунистические приспособленцы, отобранные по признаку политической надежности, будут так же беспомощны на поле боя, как дворцовые фавориты в окружении царя. Даже прирожденная храбрость и стойкость русского солдата, проявленные в ряде европейских войн, по мнению некоторых специалистов, были подорваны идеологической обработкой. «Простой русский человек», как утверждали, «будет только рад сложить оружие, чтобы избавиться от угроз и власти комиссаров».

Такие проблемы стояли перед иностранными наблюдателями в 1941 году. Следует рассмотреть три отдельных вопроса: первый – численность Красной армии, состояние боевой подготовки и ее тактическую доктрину; второй – влияние партии на ее руководство и выработку стратегии; третий – реальность советской мощи, оценивавшейся в период, непосредственно предшествующий германскому нападению.

Красная армия того времени была в основном детищем двух архитекторов, Троцкого²⁴ и Тухачевского²⁵ (обоим было суждено заплатить жизнью за свои старания). Троцкий придал форму и укрепил дисциплину этой аморфной пролетарской черни. Тухачевский разработал тактическую и стратегическую доктрины, которые, хотя и не были так революционны, как концепции некоторых британских экспертов в области боевого применения танков, тем не менее далеко опередили тогдашнее военно-теоретическое мышление в других европейских армиях. Однако в конце 1930-х годов внутренняя политика и смещение ориентации Советского Союза в балансе европейских держав привели к соответствующим (ухудшенным) изменениям в его военном положении.

Проблема обороны России обуславливалась физическими характеристиками ее западной границы и тем обстоятельством, что советские промышленные и административные центры сосредоточивались в относительно небольшой части страны – на расстоянии 500 миль от этой западной границы. Далее восточная часть этой зоны делится на две части Припятскими болотами – болотисто-лесистой местностью шириной до 200 миль, откуда берут начало большие реки европейской части России.

Кроме своего значения как препятствия вторжению, эти болота ставят задачи и перед обороняющейся стороной, ибо они делят западную зону на две части, каждая из которых требует проведения независимых действий, так как их обслуживают разные железнодорожные сети, и их защита осуществляется на разных рубежах. На фронте такой протяженности невозможно держать войска повсюду. Эта проблема всегда стояла перед русским Генеральным штабом, и теперь она усугублялась растущей концентрацией промышленности в восточной части Украины, что требовало определения приоритетов между обороной севера (обеих столиц – Ленинграда и Москвы) и юга, откуда страна получала основную долю продуктов питания, машин и вооружения.

²⁴ Троцкий Лев – военный нарком в марте 1918 года. Снят в 1925 году; изгнан из страны в 1928 году; убит в 1940 году.

²⁵ Тухачевский М.Н. – маршал, начальник штаба Красной армии в 1926–1928 годах. Уволен в мае 1937 года, казнен в июне 1937 года.

В начале 1930-х годов маршал Тухачевский разработал концепцию ведения обороны в таких условиях, и эта схема, как ни странно, пережила своего автора, казненного по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Он предложил иметь относительно небольшое сосредоточение войск на севере, а основную массу мобильных сил поместить на Днепре, откуда они смогут угрожать правому флангу агрессора и при благоприятной обстановке предпримут быструю оккупацию Балкан.

Подобный план основывался на расчете, что чисто физические трудности преодоления больших расстояний и обеспечения вражеских войск помогут обороне столицы: противник будет втянут в широкий пустынный коридор между Припятскими болотами и укрепленным районом Ленинграда. Тогда оборона получит время для перегруппировки и выбора места для контратаки. Эта схема была первоначально задумана в контексте угрозы со стороны Польши или в худшем случае союза Польши с огрызком германской армии, оставшимся после Версаля. Но к 1935 году три новых фактора изменили масштабы этой схемы. Темп перевооружения Германии при Гитлере быстро ускорялся, в боевой подготовке главный акцент ставился на подвижность и использование танков.

В соответствии с этим было решено расширить систему укреплений на юг от Балтики до северной границы Припятских болот, и эти работы начались в 1936 году. В это время доктрина мощной обороны была прочно усвоена армиями Запада. Теория глубокого танкового удара, родившись в Англии, завоевала сторонников лишь среди небольшого числа более просвещенных офицеров германской армии. Военная же наука занималась проблемами изобретения и усовершенствования постоянных оборонительных систем, против которых противник будет биться до истощения, – систем, примером которых, если не идеальным образцом, стала линия Мажино. Многие ее детали были раскрыты русским, которые временами находились в хороших отношениях с Францией и на военном, и на дипломатическом уровнях, и для их разведки не составило труда собрать дополнительный материал от просоветски настроенных элементов среди французских военных и чиновников.

Результатом явилось то, что русским удалось создать систему, известную как линия Сталина, местами даже еще более мощную, чем ее французский прототип, потому что они начали сооружать ее несколькими годами позднее, уже располагая огромным количеством данных и опытом. Разведка ОКХ следующим образом описывает линию Сталина, после того как она была преодолена:

«Сочетание бетона, полевых укреплений и естественных препятствий, танковых ловушек, мин, болотистых участков вокруг фортов; искусственных водоемов, окружающих дефиле; полей, расположенных вдоль траектории пулеметного огня. Вся ее протяженность вплоть до позиций обороняющихся была замаскирована с неподражаемым искусством... Вдоль фронта протяженностью в 120 километров построены и размещены на искусно выбранных огневых позициях не менее десятка барьеров, тщательно замаскированных и защищенных от легких бомб и снарядов калибра 75–100 мм. Тысячи сосновых стволов закрывали окопы, которых наступающие не могли обнаружить, пока не становилось слишком поздно. На три километра позади, на участках длиной 10–12 километров, в землю на глубину более метра зарыты три ряда сосен. За этим препятствием простирается засека из деревьев, спиленных на метр от земли, верхушки которых направлены навстречу противнику и опутаны колючей проволокой. Бетонные пирамиды усиливали это ограждение».

Но хотя отдельные участки линии Сталина были практически непреодолимы, она никоим образом не являлась непрерывной полосой укреплений. Некоторые участки, а именно: вокруг Чудского озера и между Припятскими болотами и верховьями Днестра, а также подступы к ряду важнейших городов прифронтальной зоны – Пскову, Минску, Коростеню, Одессе – были надежно прикрыты. Однако укрепленные районы не имели связывающих их полос полевых оборонительных сооружений, и название «линия» в 1941 году было не более чем иллюзией,

основанной на наличии ряда укрепленных районов, расположенных примерно на одной географической долготе.

Затем, после германо-советского пакта августа 1939 года и соглашения о разделе Польши, Красная армия оставила свои постоянные оборонительные сооружения в Белоруссии и продвинулась вперед на запад до рубежа реки Буг. А в июле следующего года Россия присоединила к себе Бессарабию и Буковину. Эти меры, наряду с оккупацией Прибалтийских государств на севере, отодвинули западные границы Советского Союза на сотни миль. Нога в ногу с новой географией, армия тоже ушла вперед, оставив пустыми свои прежние районы базирования, полевые склады снабжения и постоянные укрепления линии Сталина.

Сталин считал, что пространство важнее постоянных укреплений, но не учитывал, что армия не была подготовлена к маневренным оборонительным боям. Если же кто-то из командиров Красной армии не соглашался с ним, у них к 1939 году хватало ума держать свои мысли при себе. Ибо еще более сильным, чем упование на пространство, было убеждение русского диктатора, что главнейшим требованием к армии и особенно к ее старшим офицерам является их политическая надежность. Коммунизм учит, что внутренний враг – самый опасный, и в обществе настолько репрессивном, каким была предвоенная Россия, наличие трех миллионов человек под ружьем могло быть постоянным источником тревоги для режима, если бы солдаты и их командиры не были безжалостно приучены подчиняться линии партии.

Теоретически на верху иерархической лестницы стоял Государственный комитет обороны (ГКО), председателем которого был Сталин, а членами Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия. Ему подчинялась Ставка – аналог Генерального штаба. Она номинально являлась «комитетом равных» и состояла из восьми офицеров сухопутной армии и четырех комиссаров (среди которых был Булганин), которые должны были следить за генералами. Фактически руководство Ставкой было сосредоточено в руках начальника штаба маршала Шапошникова и его заместителя генерала Жукова, которые оба непосредственно подчинялись Сталину. Ни ГКО, ни Ставка не могли вмешиваться в автократическую верховную власть Сталина, как не могли ограничить всемогущества Берии и НКВД, которые, обладая компрометирующими досье и карательными органами, через сеть комиссаров и политруков держали армию в узде. Эти последние должности были введены уже в военное время в попытке встряхнуть Красную армию от оцепенения и страха, которые овладели ею после больших чисток 1937–1938 годов.

Престиж и влияние Красной армии достигли своего апогея 22 сентября 1935 года, когда были введены знаки различия и воинские звания для командного состава. Майоры и более старшие офицеры стали неподсудны гражданскому суду, а политическим руководителям отныне вменялось в обязанность сдать экзамены по военному делу. И вершиной военной профессии стало учреждение звания Маршала Советского Союза, которое было присвоено пятерым: Блюхеру – «царю Дальнего Востока», Егорову, Тухачевскому и двум непотопляемым прихвостням Сталина – Буденному и Ворошилову.

Тухачевский был звездой среди новых маршалов. На следующий год после сентябрьского указа ему предоставили возможность много ездить по Западной Европе. В своих поездках Тухачевский вел себя с той неосторожностью, которая, если ее постоянно и старательно не сдерживать, покажется чертой национального характера. В одно и то же время он играл роль и дипломата, и кочующего военного атташе, и светского льва. Он встречался и бывал на обедах у мадам Табуи²⁶, и она цитировала его в своих публикациях; он встречался с генералом Миллером, главой Русского общевойскового союза. Немцам в своих лекциях он говорил, что, «...если дело дойдет до войны, Германии будет противостоять не старая Россия». Умеряя свои увер-

²⁶ Мадам Табуи – журналистка, вращавшаяся в высшем парижском обществе в 1930-х годах и ухитрявшаяся с одинаковым успехом играть роль «роковой женщины», сводни и оракула (она также баловалась астрологией). Собранные повсюду крохи информации фигурировали в ее публикациях в виде откровений или «предсказаний».

тюры формальной присказкой: «Мы коммунисты, и вам не следует забывать, что мы должны и хотим оставаться коммунистами», – Тухачевский продолжал: «...Если бы Германия встала на другую позицию, ничто не препятствовало бы дальнейшему советско-германскому сотрудничеству – обе страны развивали бы дружбу и политические отношения, как в прошлом, они могли бы диктовать всему миру свою волю».

Французам, с другой стороны, Тухачевский заявлял, что ему бы «хотелось видеть расширение отношений между французской и Красной армиями». Он провел неделю в качестве гостя французского Генерального штаба и в завершение визита похвастал перед генералом Гамеленом относительно заказов на новое оборудование: «Что до меня, так я всегда получаю то, что прошу».

Вскоре ему предстояло получить то, на что в житейском смысле слова он никак не напрашивался. Ибо смерть уже встала у него за плечом так же, как и у доброй половины его коллег. Меньше чем через год после возвращения Тухачевского на горизонте появилось первое облачко, которое, как в ночном кошмаре, тут же обернулось тучей. 28 апреля 1937 года в газете «Правда» была помещена статья о необходимости каждому красноармейцу «овладевать политикой так же, как техникой», и где утверждалось, что Красная армия существует для того, чтобы «бороться с внутренним, так же как и с внешним врагом». Смысл статьи был до предела зловещим. Сталин уже решил, что пришло время провести чистку армии по тому же безжалостному сценарию, по какому в предыдущем году из партии была изгнана и уничтожена «старая гвардия», считая, что уверенность в политической надежности куда важнее риска утраты боеготовности.

Есть кое-какие данные относительно того, что русского диктатора встревожили события в Испании, где советские военные, сражавшиеся против Франко (кроме приобретения ценного тактического опыта), начали показывать зубы в конфликтах с сотрудниками НКВД.

Каковы бы ни были мотивы Сталина и собирался ли он заходить так далеко, конечная статистика чистки ошеломляет. Из маршалов выжили только Буденный и Ворошилов. Из 80 членов Военного совета 1934 года только 5 в сентябре 1938 года остались живы. Все 11 заместителей наркома обороны были уничтожены. Все командующие военными округами были к лету 1938 года казнены. 13 из 15 командующих армиями, 57 из 85 командиров корпусов, ПО из 195 командиров дивизий, 220 из 406 командиров бригад были казнены. Но наибольшую численную потерю понес офицерский корпус Красной армии вплоть до уровня ротных командиров.

Перед чисткой Красная армия представляла собой мощный, нацеленный на новые цели, прекрасно оснащенный организм. Теперь нововведения пошли черепашьим темпом; техника исчезала, «массовая армия» снова вышла на сцену как пролетарский идеал, но те выработанные рефлексы, которые могут оживлять массу и делать ее грозной силой, были уничтожены. Ее подготовка и обучение были прежде всего рассчитаны на наступательную войну. Но в отличие от немцев, которые были единственной европейской армией, с энтузиазмом относящейся к наступательной концепции, русские не усвоили учение Лиддел-Гарта и Фуллера²⁷ о правильном применении танков. Так, несмотря на то, что к 1941 году они накопили не менее 39 бронетанковых дивизий (для сравнения: у немцев их было 32), они не были сформированы в самостоятельные корпуса и армии, а распределены поровну для тесной поддержки стрелковых дивизий, то есть более тяжелым весом дублировали тактические принципы тесной поддержки, которую требовали от танков и артиллерии, непосредственно приданным пехоте.

²⁷ Капитан Б. Лиддел-Гарт и генерал-майор Дж. Ф.Ч. Фуллер – стратеги применения бронетанковых войск. Их работы оказали большое влияние на создание первой бронетанковой дивизии в германской армии (хотя вначале германский Генеральный штаб не особенно интересовался их концепцией).

Это можно объяснить тремя факторами. В самом начале 1930-х годов, в отличие от консервативно настроенных штабов западных держав, русские обращали значительное внимание на тактические и конструктивные особенности в армии Соединенных Штатов. Американцы, поздно появившиеся на сцене Первой мировой войны, были лишены тех травмирующих воспоминаний о захлебывающихся атаках на постоянные оборонительные сооружения, которые сохранились у британцев и французов. В 1918 году казалось, что применение танков мелкими группами в сопровождении пехоты при поддержке мощным артиллерийским огнем явится ключом ко всем укреплениям, какими бы сложными они ни были, если только эти два рода войск будут действовать неразрывно вместе и если танки не будут слишком обгонять пехоту. С тех пор американцы приняли идею применения танков не только в качестве щипцов для раскалывания орехов, но и в разведывательных целях, а также в качестве «кавалерии». Они создали ряд быстроходных легких танков, и один из них – «кристи» – был продан русским²⁸. Но несмотря на то что американцы на ощупь шли в правильном направлении, они никогда по-настоящему так и не усвоили самой сути концепции применения танков, какой ее видел Лиддел-Гарт и развил Гудериан – тяжелой, сбалансированной силы, на гусеничном ходу, движущейся не для разведки, а для нанесения мощного удара и развития успеха. В соответствии с этим русские постепенно создали «танковый парк», где были машины, исключительно пригодные для маневренной танковой войны (в 1932 году они также купили у Британии шеститонный танк «виккерс», на основе которого они создали свою серию танков Т-26), но они оставались верны наступательному принципу, который отвергал – если вообще рассматривал – радикальную идею самостоятельных операций, выполняемых отдельным родом войск.

В 1937 году ряд русских офицеров был откомандирован в качестве советников в республиканскую армию Испании, и там они смогли наблюдать проверку этих принципов на практике. За исключением условий уличного боя везде оборона взламывалась неумолимым давлением сбалансированных сил танков, пехоты и артиллерии. «Железное кольцо Бильбао» – рубеж по реке Эбро, – казалось, могло вызвать только задержку, но никогда остановку. Генерал Павлов, специалист по применению танков, бывший в Испании (и который был расстрелян в первые недели войны за некомпетентность), доложил Сталину и Ворошилову: «Танк не может выполнять самостоятельную роль на поле боя», – и советовал распределить танковые батальоны для поддержки пехоты.

Затем Финская кампания зимы 1940 года показала, что наступление, хотя и здоровое по замыслу, не должно быть безрассудным в выполнении. Недооценивая храбрость и приспособляемость обороняющихся, русские попытались обойти постоянные оборонительные сооружения у озера Ладога, применив широкое и глубокое движение в обхват фланга на севере. Однако колонны Красной армии, брошенные в глубь финской территории, были окружены и уничтожены. Затем, на втором этапе войны, обнаружилось, что постоянные оборонительные сооружения финнов на Карельском перешейке удавалось разрушать постоянными атаками танков и пехоты, действовавших в тесной связке.

Таким образом, игнорируя в каждом случае влияние местных условий, русские пользовались своим опытом для формулирования доктрины генерального наступления, как «парового катка», включающего в себя все роды войск. В сущности, эта доктрина отражала их традиционную военную позицию, по-современному приодетую с помощью новейшей техники. Эта позиция прочно основывалась на личном опыте двух полководцев, на которых ляжет главная ответственность за руководство Красной армией, когда наступит момент германского нападения. Маршал Шапошников, начальник Генерального штаба с 1937 года, был привлечен для планирования конечных этапов атаки на линию Маннергейма. Начальник штаба сухопутных

²⁸ Фактически этот танк стал рабочей основой знаменитой «тридцатьчетверки», «лучшего танка в любой армии вплоть до 1943 года», как сказал Гудериан.

сил генерал Жуков был назначен после печальной зимы 1939/40 года, и он тоже столкнулся с «финским вопросом» в тот самый момент, когда ортодоксальная массовая тактика стала наконец приносить результаты. Более того, назначение Жукова во многом определялось его успехом в самом важном военном конфликте до нападения Германии, в котором участвовала Красная армия, а именно в сражениях на Халхин-Голе против японцев в предшествующем году²⁹. Эта дорого стоившая операция была проведена с мастерством и не отличалась особой оригинальностью; и хотя танки использовались расточительно (у Жукова их было почти пять сотен), победа, очевидно, была достигнута за счет стойкости и жестко соблюдаемого взаимодействия между всеми родами войск, особенно с артиллерией.

Но русским нужно было учиться – и учиться очень быстро, – если они хотели выжить в войне против мобильных, прекрасно подготовленных германских танковых войск с их огромной огневой мощью. Для Красной армии дело осложнялось тем, что ее диспозиции в Восточной Европе в начале германского нападения были до нелепости уязвимы. Это был результат компромисса в продолжающемся скрытом разногласии между некоторыми высшими генералами и Сталиным.

Жуков согласился с тем, что было бы желательно занять западные территории, чтобы предвосхитить вторжение немцев, но он хотел сделать это, используя легкое прикрытие, и, пересмотрев план Тухачевского, разделить стратегический резерв между Киевом и районом Новгород – озеро Ильмень на севере.

Летом и осенью 1940 года казалось, что Жуков сделает по-своему, так как в Польше только 14 русских дивизий, в Бессарабии 7, тогда как около Новгорода образовался район значительного сосредоточения войск. Там находилось более 20 дивизий, из которых 8 были танковыми. Но после Венского арбитража и все возрастающих признаков германского проникновения на Балканы характер сосредоточения войск был изменен. Это смещение акцентов стало ускоряться и приобретать большие масштабы зимой, после того как отклонение Гитлером письма Сталина от 27 ноября, как казалось, сделало конфликт между двумя державами неизбежным.

Результатом стало то, что к весне 1941 года диспозиции русских напоминали карикатуру на прежний план Тухачевского – войска сбились в кучи на новой границе, подготовить которые к обороне они не успели, а коммуникации к районам баз стали слишком растянутыми.

Действительно, есть определенная параллель, но в гораздо большем масштабе, между положением армии русских и той обстановкой, когда в мае 1940 года французские и британские армии оставили свои собственные позиции и очертя голову устремились в Бельгию, навстречу интервенту. Здесь объяснением, однако, были мотивы, далеко не такие возвышенные, как желание оказать немедленную помощь маленькому союзнику. За зиму 1940/41 года численность войск в новгородском районе сосредоточения снова уменьшилась, но произошло соответствующее увеличение (20 стрелковых дивизий, 2 кавалерийские дивизии и 5 бронетанковых дивизий) на финской границе. Были сформированы две отдельные группы армий (по норме на весь район полагалась одна, из ленинградской группы армий), которыми командовали генералы Мерецков и Говоров. Этот факт, в сочетании с некоторыми высказываниями Молотова, зафиксированными в протоколах Берлинского совещания, заставляет задуматься, что русские готовились к возобновлению своего нападения на Финляндию летом 1941 года.

Еще большее сосредоточение войск в районе между Лембергом (Львовом) и верхним Прутом частично явилось расширением первоначального плана Тухачевского, а частично

²⁹ Эта операция, осуществленная после семи лет кровопролитных конфликтов между Россией и Японией на Дальнем Востоке, наконец решила вопрос в пользу России. Несмотря на участие в ней более четверти миллиона человек, она не привлекла особого внимания на Западе, так как совпала по времени с нападением Гитлера на Польшу и началом Второй мировой войны. Но она имела глубокое стратегическое значение. Японцы больше не выступали против России, даже в самые тяжелые дни ноября 1941 года. Они усвоили горький урок недооценки Советов и, в отличие от других, не желали повторить его.

средством усиления руки России в интенсивной силовой политике, которая осуществлялась на Балканах. Ибо, по мнению Сталина, на Балканах было бы возможно дальнейшее аннексирование, если бы Германия глубже увязла на Западе или в Средиземном море. Когда Стаффорд Криппс представил Сталину обширные данные о германском плане (полученные от Гесса), русский вождь посчитал, что это дезинформация, разделяя взгляды Ворошилова о том, что «у нас есть время сыграть роль могильщика капиталистического мира – и нанести ему сокрушительный удар».

Результатом этого расхождения во мнениях между Ставкой и ГКО стало крайне громоздкое и неустойчивое размещение русской армии. К середине мая 1941 года вне границ 1939 года находилось около 170 дивизий или более $\frac{5}{7}$ всей численности вооруженных сил страны. Они распределялись по пяти военным округам – Ленинградским, Прибалтийским, Западным, Киевским и Одесским. Из командовавших ими генералов трое – Попов, Тюленев и Павлов, – даже если бы они и выжили после первых отчаянных дней боев и карательных отрядов, были бы обречены на забвение.

Но хотя Красная армия находилась в невыгодном положении из-за этой уязвимой дислокации и ей предстояло тяжело пострадать из-за неуклюжего, нерешительного и неумелого руководства, она была более чем ровня немцам в области снабжения. У нее имелись недостатки, а именно в медицинской службе и радиосвязи, но в главном – в численности танков (более семи тысяч в передовом районе) и полевой артиллерии – русские имели превосходство.

Существовало три типа дивизий: стрелковая (пехотная), состоявшая из трех полков, каждый по три батальона, и одного резервного полка из двух батальонов; кавалерийская, из четырех полков по два батальона; и бронетанковая дивизия. На более поздних этапах войны появились отдельные моторизованные стрелковые дивизии, но в 1941 году пехота не имела моторного транспорта и зависела от обозов на конной тяге. Единственной моторизованной пехотой являлась та, что была придана бронетанковой дивизии. В каждой стрелковой дивизии имела своя артиллерия на колесной и гусеничной тяге, на которой перевозились и боеприпасы. Стрелковые дивизии снабжались и своими танками, но по большей части это были французские машины 20-х годов. Танки Т-34 предназначались только для танковых дивизий.

Кавалерия отнюдь не была анахронизмом и приносила огромную пользу. Рекрутируемая из казаков и калмыков, – людей, проводящих всю жизнь в седле, – она отличалась исключительной маневренностью. Их готовили к сражениям как пехотинцев, но они использовали своих лошадей для переходов на огромные расстояния по бездорожью и для буксировки своей легкой артиллерии и минометных плит. Они умели мастерски скрываться и рассеиваться. «Советская кавалерийская дивизия, – ворчал Манштейн, – может пройти сотню километров за ночь – да еще по касательной к оси коммуникации». Им не было цены в условиях маневренных боев, а их мохнатые низкорослые киргизские лошадки из Сибири выдерживали температуры до тридцати градусов ниже нуля.

Значение кавалерийских дивизий усиливалось еще и их статусом единственных подвижных частей, способных действовать с любой степенью самостоятельности. Ибо, следуя рекомендации Павлова, в 1939 году бронетанковые дивизии были раздроблены, и их наличный состав распределен в виде бригад по всем пехотным армиям. Хотя в ряде случаев была сохранена дивизионная организация, расчленение бригад на «тяжелые», «средние» и «разведывательные» означало конец бронетанковых войск как отдельного рода войск.

Затем, после успехов германских танковых дивизий в Польше и Франции, начались сперва вялые, затем бешеные усилия начать переформирование танковых бригад обратно в танковые дивизии. Но этот процесс начался только к лету 1941 года, и у русских командиров не было времени ознакомиться с задачами использования крупных танковых соединений. Тем не менее количество развернутых танков было в своей совокупности огромным (некоторые специалисты считают, что общее количество танков в Красной армии в начале кампании доходило

до 20 тысяч), а их равномерное распределение обеспечило регулярные стрелковые дивизии огневой мощью, по меньшей мере равной германскому эквиваленту.

В России, как и в Германии, взаимоотношения армии и государства носили деликатный характер. В обеих странах перед диктатором стояла проблема дисциплины личного состава и подчинения его своим политическим целям. В обеих странах это было достигнуто, но совершенно различными путями, что в свою очередь имело далеко идущие последствия. Гитлер взял верх над своими генералами искусным маневрированием и через несколько лет добился их исключения из области политики, где до этого они целых полвека правили, как арбитры. Затем подкупами, лестью, запугиванием он переключил их энергию и опыт в единственную область – обеспечение высокой боеготовности.

Но русский офицерский корпус не был изолирован, он был раздавлен. После чисток Красная армия стала покорной до идиотизма; преисполненной чувством долга, но не имеющей опыта; лишенной политического веса или притязаний ценой утраты инициативности, склонности к эксперименту и нововведениям. Остается вопросом, не исчез ли также их врожденный патриотизм, первобытная любовь к матушке-России, которая заставляла их предков, живших при еще более варварских и тиранических режимах, чем сталинизм, подниматься на борьбу и побеждать захватчиков? Ибо эта любовь, и сила воли, и фатализм, и эта способность переносить невероятные страдания – все эти чисто русские качества потребуются в полной мере в первые ужасные недели после нападения Германии.

В начале 1941 года разведывательный отдел ОКВ оценивал численность русских как «не более чем» 200 дивизий. После войны Гальдер сказал: «Это было грубой недооценкой, эта цифра была ближе к тремстам шестидесяти». На самом же деле первая цифра была гораздо более вероятной; просто советская мобилизационная машина была прекрасно отлажена, и еще до конца июля под ружье поставили свыше одного миллиона человек. В таком огромном достижении большую помощь оказал Осоавиахим, в котором состояло 36 миллионов членов, из которых 30 процентов были женщины. Это была общенациональная полувоенная организация, которая «обучала людей основам гражданской обороны и рукопашного боя. В клубах имелись отделения местной противовоздушной обороны, авиации, подготовки парашютистов, партизанских кадров и даже военных собаководов. На них возлагалось разминирование и сбор оружия и имущества в тыловой полосе».

Гитлер не принимал во внимание подспудную силу подобной организации. Он верил, что советская военная машина настолько пропитана коммунизмом, неуверенностью, подозрительностью и наущничеством и так деморализована чистками, что не может действовать надлежащим образом. «Вам нужно только пнуть дверь, – сказал он Рундштедту, – и все гнилое строение рухнет».

Кажется странным, что этот столь ортодоксальный взгляд на разлагающее влияние политики на военную систему высказывает Гитлер, с его безграничным презрением к профессиональным солдатам и вечным превознесением долга перед партией над требованиями совести. Но какова бы ни была его логика, он просмотрел один очень важный фактор в своей оценке потенциала русских. Теперь вермахт имел перед собой противника совершенно иного сорта, не похожего на мягонькие нации Запада. «Русский солдат, – сказал Крылов, – любит воевать и презирает смерть. Ему приказано: если ранен, притворяйся мертвым; жди, пока не подойдут немцы; выбери одного и убей! Убей из винтовки, штыком или ножом. Вцепись ему в горло зубами. Не умирай, не оставив рядом с собой труп врага»³⁰.

³⁰ Более точный текст этих приказов можно найти в параграфе два введения «Временного полевого устава Рабоче-Крестьянской Красной армии» (Наркомат обороны, 1937 год): «Постоянное стремление схватиться с врагом с целью его уничтожения должно лежать в основе подготовки и действий каждого командира и бойца Красной армии. Безо всяких дополнительных приказов враг должен быть смело и решительно атакован в любом месте, где бы его ни обнаружили».

Глава 3

Вооруженное столкновение

«Обремененный тяжелыми заботами, обреченный на месяцы молчания, я, наконец, могу говорить свободно. Германский народ! В этот момент идет наступление, по своему масштабу сравнимое с величайшими, которые когда-либо видел мир. Сегодня я снова решил вручить судьбу и будущее рейха и нашего народа нашим солдатам. Да поможет нам Бог в этой борьбе».

Обращение Гитлера ко всей нации было прочитано Геббельсом по радио в семь часов утра 22 июня. Четырьмя часами ранее ослепляющие вспышки залпов шести тысяч орудий озарили небо на Востоке, и ошеломленные русские оказались в хаосе огня и разрушения. Пограничники, пробужденные лязгом и грохотом гусениц танков и выбежавшие полуодетыми в дыму из казарм, замертво падали под огнем. Немцы на своих артиллерийских позициях то и дело перехватывали одно и то же послание: «Нас обстреливают. Что делать?»³¹

Какой страшный момент в истории! Лобовое столкновение двух величайших армий, двух самых абсолютных систем в мире. Ни одна битва в истории не может сравниться с этой. Даже первые тяжеловесные содрогания августа 1914 года, когда по всем железным дорогам Европы мчались эшелоны с мобилизованными или последний обессиленный удар по линии Гинденбурга спустя четыре года. По численности участников, весу выпущенных снарядов, протяженности фронта, накала боев такого дня, как 22 июня 1941 года, больше не будет.

Русская оборона была совершенно не согласована и на этой стадии зависела от инициативы – где ее осмеливались проявить – местных командиров и от инстинктивной стойкости передовых частей, которые, ни на что не надеясь, стояли насмерть малочисленными группами в недостроенных укреплениях. Даже тогда, когда бои бушевали уже в течение трех с половиной часов, когда по германскому радио прославляли «величайшее наступление, какое видел мир», приказ советского командования предписывал: «... Войскам атаковать силы противника и уничтожить их на участках, где они нарушили государственную границу, но до особого распоряжения границу не пересекать».

Были запрещены полеты советских ВВС над Финляндией и Румынией.

Немцы разделили свои силы на три группы армий: «Север» – под командованием фельдмаршала Риттера фон Лееба; «Центр» – фельдмаршала фон Бока, и «Юг» – фельдмаршала Герда фон Рундштедта. В соответствии с порядком развертывания, который так успешно использовался в Польше и Франции, бронетанковые силы были обособлены от пехоты и сосредоточены в четыре независимые группы под командованием молодых, энергичных и умелых танкистов – Клейста, Гудериана, Гота и Гёпнера. По-видимому, такое разделение сил (против которых вскоре была создана эквивалентная русская диспозиция) соответствовало трем целям – Москва, Ленинград и Украина, и это предположение вошло в историю как ориентир для измерения успеха германской стратегии. Но на самом деле «общий замысел» директивы «Барбаросса» был географически не определен. В очень расплывчатых выражениях говорилось о задаче достичь рубежа от Архангельска до Каспийского моря, но зато было ясно сказано, что первичная цель является исключительно военной:

«... Уничтожение основной массы Красной армии, находящейся в европейской части России посредством смелых операций, включающих глубокие вклинивания танками в первом эшелоне; предотвращение отхода боеспособных элементов в глубь России...»

³¹ Генерал Гюнтер Блюментритт, начальник штаба у фельдмаршала фон Клюге, приводит ответ из русского штаба: «Вы с ума сошли. И почему ведете переговоры открытым текстом?»

Танковые войска должны были дробить Красную армию, а наступавшая вслед пехота и артиллерия – заставлять ее сдаваться. Гитлер не собирался сражаться за города Советского Союза или вести в них бои, и многие генералы в штабе соглашались с ним. Битва за Францию была выиграна ударом в направлении Ла-Манша, а не Парижа.

Как будет видно дальше, эта формула несла в себе семена будущих осложнений. Часто бывали трения между командующими танковыми соединениями, считавшими, что вся Россия уже у их ног, и мечтающих о движении к сверкающим куполам обеих столиц, и пехотой, не выходящей из боев с массами упорных русских войск в тылу, которая считала, что танки должны приостановиться и помогать им. Эти трения вызвали ряд локальных тактических ошибок и постепенно заразили все Верховное командование нерешительностью, из-за чего в начале осени произошел ряд командных кризисов. Но в июне бесспорным казалось то, что все условия директивы выполняются с буквальной точностью.

В самом важном центральном секторе, где 800 танков 2-й танковой группы скапливались у Буга, оба моста южнее Брест-Литовска, целые и необороняемые, попали с ходу в руки немцев. К северу от города 18-я танковая дивизия, используя свои бронемашину, специально загерметизированные для операции «Морской лев» (планировавшееся вторжение в Англию по морю), форсировала реку и через болотистую местность нанесла удар по главным оборонительным сооружениям русских на левом берегу Лесной. С каждой минутой продвижения танков все глубже и возрастания дальности огня германской артиллерии толчки, потрясавшие русский фронт, ощущались все сильнее и чаще, и к середине дня главные секторы передовой обороны русских стали разваливаться со скоростью горной лавины.

Во второй половине дня, когда до защитников стали доходить первые конкретные приказы, постепенно зашевелилось командование на уровне корпусов и дивизий. Но настоящего усилия к сосредоточению не было – просто все части, группировавшиеся по границе, видимо, сбились вместе насколько могли и двинулись в лобовое столкновение с немцами. В это же время люфтваффе завершило свою работу по бомбардировке ближайших советских аэродромов, и теперь в их авиаприцелах появились войска противника в маршах сближения. Дороги были разбиты и изрыты пулеметным огнем; танковые парки взорваны; склады ГСМ подожжены; тысячи обезумевших раненых лошадей неслись, не разбирая дорог. Это был классический граффарет блицкрига, перенесенный на огромное полотно.

Кроме выигрыша благодаря внезапности, немцы обеспечили себе громадное преимущество в численности и огневой мощи в пунктах, выбранных для танковых прорывов. План Гальдера использовал всю танковую мощь германской армии в этих начальных атаках, разделив ее на четыре танковые группы, целью которых являлось раскрыть с первого же удара оборону русских, затем, маневрируя на этой территории, изолировать и уничтожить отряды Красной армии первого эшелона. На карте видна эффективность достигнутой степени сосредоточения.

На севере три танковые дивизии (свыше 600 танков) и две пехотные дивизии имели полосу наступления шириной менее 25 миль. Против них находилась одна слабая 125-я стрелковая дивизия. В центре, где группа армий Бока играла роль *Schwerpunkt* (острие копья, точка максимального сосредоточения), имелись две группы танков под командованием Гота и Гудериана, состоявшие из семи дивизий общей численностью почти 1500 танков. Против них была одна полная стрелковая дивизия (128-я), полки из четырех других дивизий и танковая (22-я) дивизия, недоукомплектованная машинами и находившаяся в процессе реорганизации и формирования. На Южном фронте против двух советских стрелковых дивизий наступали шесть пехотных дивизий в тесном взаимодействии с 600 танками. Неудивительно поэтому, что, как писал немецкий лейтенант из 29-й моторизованной дивизии, «... русская оборона могла сравняться с рядом стеклянных теплиц» и что к полудню 22 июня головные части всех четырех германских танковых групп уже неслись по сухим неповрежденным дорогам России, слыша за собой замирающий гул артиллерийской канонады.

Эти «разведывательные отряды» являлись смешанными группами мотоциклистов, броневых автомобилей и бронетранспортеров на полугусеничном ходу, которые на прицепе везли противотанковые пушки; иногда их поддерживало небольшое количество легких или средних танков Т III. По дорогам они шли со скоростью около 25 миль в час. Сразу за ними двигалась вся остальная масса танков, имевших непрерывную радиосвязь с командирами и готовых развернуться в боевой порядок, если голова колонны будет атакована. Еще дальше к хвосту находился «сэндвич» из механизированной пехоты, дивизионной артиллерии и снова пехоты. Вся колонна, развернутая в расчлененный походный строй, занимала дистанцию от семи до десяти миль, однако к вечеру 22 июня все головные танковые дивизии ушли далеко из полосы боевых действий и вторглись в территорию на глубину своей почти удвоенной колонны.

Самое глубокое вклинивание на севере осуществил 56-й корпус Манштейна, который перешел через границу Восточной Пруссии на рассвете и до восхода солнца захватил мост у Эйраголы через долину реки Дубисы, совершив пятидесятимильный прыжок вперед. В центре наступления колонны Гудериана после обтекания Брест-Литовска соединились, овладели Кобринем и Пружанами и преодолели рубеж Днепровско-Бугского канала.

Но уже до наступления сумерек 22 июня стали заметны кое-какие отличия от предшествовавших военных кампаний. Подобно некоему доисторическому ящурю, пойманному сетью, Красная армия отчаянно боролась, и по мере рефлекторного пробуждения наиболее удаленных частей тела все с большим эффектом. До этого дня немцы всегда наблюдали, что окруженный противник ложился и умирал: начиналось сокращение периметров фронта, втягивание флангов, иногда были слабые попытки вырваться из окружения или контратаковать, но затем следовала капитуляция. Стремительность и глубина танкового вклинивания, присутствие в воздухе самолетов люфтваффе и прежде всего великолепная координация всех родов войск создали вокруг немцев ореол непобедимости, которого не было ни у одной армии мира со времен Наполеона. Странно, но казалось, что русские этого не знали, как и не подчинялись правилам из военных учебников.

Реакция окруженных частей в каждом случае была энергичной и агрессивной, что ставило немцев в тупик и мешало ликвидации очагов сопротивления. Целые дивизии русских собирались вместе и двигались прямо в наступление, «идя на звук выстрелов». В течение дня пустели танковые парки, когда одна бригада за другой пополнялись топливом и боеприпасами и с лязгом уезжали, чтобы быть уничтоженными, едва успев появиться в поле зрения германских артиллеристов. К полудню новые самолеты советской авиации, прибывшие с аэродромов в центре России, начали появляться над полями боев, хотя «это было просто детоубийство – они летели, путаясь в тактически невозможном строю». К этому времени запрет Сталина на полеты над германской территорией был снят, и русские бомбардировщики (в массе избегнувшие первого удара люфтваффе благодаря более удаленному от границы расположению своих баз) послушно взлетали в соответствии с уже устаревшим оперативным планом. Свыше 500 бомбардировщиков было сбито. 23 июня застрелился генерал-лейтенант Копец, командующий группой бомбардировщиков. Не прошло и недели, как командующий авиацией на Северо-Западном фронте генерал Рычагов был приговорен к смерти за «изменнические действия» (то есть за то, что понес поражение). В первые два дня русские потеряли свыше 2 тысяч самолетов – беспрецедентный уровень потерь. Самая сильная (численно) авиация в мире была фактически уничтожена за 48 часов.

Результат такой внезапной потери прикрытия с воздуха был бедственным для приграничных армий. До конца года русским пришлось сражаться, имея лишь минимальную поддержку своих военно-воздушных сил, и они быстро приноровились к такому трудному положению. Но за эти первые трагические дни хаоса и окружения, когда не поступало приказов, не было центрального руководства, ничего более конкретного, чем постоянные инструкции, «...нападать

на врага, где бы и когда бы он ни встретился», потери стали десятикратными из-за «слепоты» разведки и уязвимости на марше.

Пока немецкие танки мчались вперед по равнине, к целям, отстоящим на расстоянии 70 миль, происходила медленная поляризация среди русских армий, оставленных в Польше. Подобно гигантским кедром, продолжающим стоять и после того, как их корни подрубили, они смело встречали атаку, исход которой был предрешен. В первые недели кампании четыре главные «битвы на уничтожение» расчистили путь германской армии, которая смогла теперь вступить в европейскую часть России и дойти до Днепра.

Идиотская диспозиция приграничных армий оставила Павлова со слабым центром (носившим в первые десять дней название Западного военного округа) и чисто номинально равной численностью по пехоте. Что касается танков, то о сравнении сил не было и речи, потому что против него находилось почти 80 процентов от общего количества германских танков, включая танковые группы Гёпнера, Гота и Гудериана.

У Павлова было три армии – 3-я, 10-я и 4-я, вытянутые в линию от латвийской границы к Влодаве, на краю Припятских болот. В непосредственном резерве он имел пять механизированных корпусов, которые были равномерно распределены и целиком заняты подготовкой к усвоению того неожиданного «поворота кругом», который проделало высшее командование Красной армии в отношении применения бронетанковых войск.

Гёпнер слегка задел правый фланг русской 3-й армии в первый же день, проделав широкую брешь между ней и Прибалтийским военным округом, через которую с невероятной скоростью хлынул 56-й танковый корпус Манштейна. Русские контратаки во второй половине дня оказались направлены против всей мощи 4-й танковой армии, быстро разрушавшей фланги бреши, и увяли под ее огнем. К ночи три русские стрелковые дивизии были полностью уничтожены – живая сила, артиллерия, штабная организация, транспорт, – а еще пять дивизий заливали раны. Половина танков Павлова была потеряна в страшном хаосе первого послеполуночного боя. 14-й механизированный корпус, сосредоточенный в районе Пружаны – Кобрин, настолько пострадал от германских бомбардировщиков, что он так и не смог двигаться; 13-й, находившийся ближе к месту столкновения, вступил в бой к шести часам вечера, но нехватка горючего, поломки и неподходящие боеприпасы³² свели к минимуму их результат, так как бригады вступали в бой малыми силами, часто идя друг за другом и повторяя ошибки.

В течение ночи Павлов попытался оттянуть назад остаток своих танковых сил из 10-й армии, превращая 6-й и 11-й механизированные корпуса и 6-й кавалерийский корпус в отдельную «ударную силу» под командованием своего заместителя генерал-лейтенанта И.В. Болдина, и 23 июня приказал атаковать южный фланг германского клина. Вполне вероятно, что эти приказы не дошли в эту первую страшную ночь; возможно также, что командующий 10-й армией генерал-майор К.Д. Голубев не пожелал получать их в незашифрованном виде, так как давление на его собственный фронт усиливалось. Во всяком случае, на следующее утро на месте был только 11-й механизированный корпус. И 6-й, и кавалерийский корпуса находились еще в пути, растянутые во всех направлениях, неуккомплектованные и уязвимые. Утром на них совершила налеты германская авиация, и в особенности кавалерия дорогой ценой заплатила за свою задержку. В результате в течение 24 июня армии Павлова ничего не предприняли, чтобы закрыть брешь.

Тем временем командующий Прибалтийским военным округом (теперь переименованным в Северо-Западный фронт) сосредоточивал все оставшиеся у него танковые силы, и после полудня 23 июня все они (равные по суммарной численности трем дивизиям) были брошены в атаку на юго-западе от Шауляя. Весьма сомнительно, что можно было закрыть эту брешь, даже

³² Большинство русских танков были снаряжены бризантными боеприпасами для «непосредственной поддержки» пехоты, и замена их на бронебойные снаряды для борьбы с танками только что началась.

если бы эта атака была проведена одновременно с группой Болдина. При бездействии Болдина она была обречена на провал, потому что сразу наткнулась на сосредоточенные силы 41-го танкового корпуса Рейнгардта, развертывавшегося для атаки на Ковно (Каунас). На следующий день, 24 июня, Болдин тоже осуществил атаку, но бомбежка на марше и разобщенность действия тоже лишила его успеха. К этому времени Северо-Западный фронт, потерявший свои танковые войска, быстро разваливался, а сохранившиеся армии отступали к Риге, открывая подходы к Двинску (Даугавпилсу). К 24 июня Манштейн вклинился на 100 миль, достигнув Вилькомира (Укмерге); 25 июня он был уже в виду Двинска; 26-го он вступил в него, после того как мотоциклисты 8-й танковой дивизии захватили важный мост через Двину в тот момент, когда часовые возились с взрывчаткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.